

Шаров О.В., Бажан И.А.

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ЭТЮДЫ

AD GLORIAM B.B. Хвойке

Sharov O.V. Bažan I.A. Chernyakhov Etudes.

The phenomenon of appearance of the Chernyakhov potter's ceramics has been discussed more than once in the Russian and foreign literature. The works of Tihanova M.A., Diakonu G., Magomedov B.V., Gudkova A.V., Krapivina V.V., Baran V.D. allowed different interpretations of solving of this problem. In our opinion, while the questions of appearance of the Chernyakhov pottery were being worked out two important moments have been missed. Firstly, ceramics was considered in the whole cultural aggregate without taking into account morphological peculiarities of each chronological stage of the culture. We think that to solve the problem one can consider the ceramics of the earliest level of the Chernyakhov culture only. Secondly, the question of appearance of potter's trade in the Chernyakhov culture was not always separate from the question of appearance of the forms of ceramics. In our opinion, potter's trade could appear in the area of the Chernyakhov culture not necessarily with its creators but separately and even from different potter's centers in different periods of time. We think that the forms of the Chernyakhov ceramics should not be searched only in cultural unities that had potter's wheel. Cultures that had no pottery in the synchronous time and earlier periods of time should be used for the analysis. We have done the classification of the ceramics of the early stage of the three illustrative burials of different regions of the Chernyakhov culture – Rujichanca, Cosanovo and Dancheni. Two leading types represented on the early level of the monuments synchronous to them have been selected. The first type is Schaleurnen with the distinct neck. The second type is Schaleurnen with the roller on the torso.

We have examined the ceramics of the European Barbaricum that is synchronous to the early stage of the Chernyakhov culture (C1-beginning C2). The analysis of the ceramic production of the Weilbark and Przewor cultures, of the culture of Poyaneshti-Vertishkoi, of the culture of free and Roman Dacians, of the culture of the Carpathian mounds, of the cultures of the region between Rhine and Vistula has given curious results.

The first type of the vessels, present in the early stage of the Chernyakhov culture is appearing with the beginning of the Roman time in the region of Elbe. Starting from this fact the ceramics of the first type could appear in the area of the Chernyakhov culture from the Rhine-Elbe region where the crockery was performed in the moulded art. The second type of the crockery is spread in the region of the Middle Elbe a little later, not earlier the boundary of the phases of C1-C2.

Summing up, it should be stated that the ceramics of the two examined types could have spread from one cultural region-that of Elbe, first of all of Thuringe. It can be assumed that these revealed links of the regions can be quite connected with the migrations of one of the Eastern-Germanic tribes-Burgunds that together with Goths participated in the raids of the III century to Rome.

1. Происхождение сероглиняной керамики черняховской культуры (историографический очерк)

Феномен появления сероглиняной гончарной керамики в черняховской культуре не раз обсуждался у нас и за рубежом, но специальных трудов, посвященных этой проблеме немного. Так как этот вопрос является до сих пор в современном черняховедении одним из дискуссионных, нам следует подробно остановиться на методе исследований и выводах ученых, занимавшихся этой проблематикой.

Одними из самых ранних работ, посвященных черняховской гончарной посуде, являются небольшие статьи М.А.Тихановой (Тиханова 1970; 1973), выводы которых базировались

прежде всего на материалах раскопок поселения у с. Лепесовка. Раскопки дали необычайно богатый керамический набор: были найдены даже фрагменты керамики с надписями на греческом языке, что и явилось главным толчком к появлению гипотезы об ольвийском происхождении гончаров, работающих в Лепесовке, которая затем вылилась в гипотезу о северо-причерноморском происхождении сероглиняной гончарной керамики в черняховской культуре. Автор этих статей провела анализ керамического производства в Лепесовке по целому ряду признаков: по форме сосудов, по тесту, техно-

---

Разделы 1, 2, 5 написаны О.В.Шаровым; разделы 3,4 написаны в 1989 году в творческом союзе с И. А. Бажаном и представляют собой переработанный вариант подготовленной к печати работы. (см. ссылку в работе: Sarov 1995, изданной по материалам конференции в Париже 1992 года).

логии изготовления и типу гончарных печей; был введен в оборот петрографический анализ керамики и проведено палеографическое исследование надписей на керамике. М. А. Тиханова пишет: «За северо-причерноморское, а не гето-дакийское происхождение работавших в Лепесовке мастеров говорит прежде всего греческий, а не латинский язык, обнаруженный на поселении в количестве 32 фрагментов надписей. Дополнительно об этом свидетельствует конструкция гончарных печей – двухъярусные с центральным зиждательным столбом (греко-римская традиция), а не с поперечной балкой (кельтская), причем в одной из печей в Лепесовке отмечена типичная для Ольвии деталь, а также формы мисок, терриновидных сосудов, и особенно кувшинов, равно как и ряд орнаментальных мотивов, лощения, и некоторых образцов штампов. Все это дает в сочетании с установленной исследователями Ольвии уточненной датировкой керамики типа «черняхов» в закрытых комплексах Ольвии I-II вв. н. э., решить вопрос в пользу Северного Причерноморья, вероятнее всего самой Ольвии, а может быть и Тиры» (Тиханова 1973: 30). Следует сказать, что работы, посвященные уточнению или хронологии «черняхойдной» керамики в Ольвии, во время написания этих статей М. А. Тихановой были неизвестны, существовала лишь работа, посвященная сероглиняной керамике Ольвии I-II вв. н.э., которая, однако, по взглядам исследователя этой категории посуды, очень сильно отличается от черняховской и не может быть принята за ее прасоснову (Ветштейн 1953: 14-15). Чтобы убедиться в обоснованности приведенных выше выводов, нам кажется необходимым обратиться к более ранней статье М. А. Тихановой, где этот вопрос решается попутно с рядом других очень важных проблем (Тиханова 1957). Она пишет: «Многочисленные образцы серой и черной керамики черняховского облика обнаружены в позднеимперских слоях крупных городских центров в низовьях Дуная – древней Диногетии, Сучидаве, Капидаве в сочетании с местной привозной краснолаковой посудой и с амфорами» (Тиханова 1957: 187). Этот материал, к сожалению, нами в публикациях этих древнеримских центров Дакии не был обнаружен. Нам кажется, что корень этих «недоразумений» кроется в первичности технологических признаков керамики для вопросов определения регионов их производства, а форма и типы посуды являются для М. А. Тихановой второстепенными. Этот термин «серая и черная керамика черняховского облика» подразумевал, по нашему мнению, их производство в данных римских центрах и в раннее и позднеимперское время лишь по технологическим признакам («лощение, цвет, примеси, видимо, ряд форм), т. е. имелся в виду прежде всего тип печей и тип обжига, но не конкретные типы производимой там керамики. При таком понимании термина «черняховской керами-

ки» как сероглиняной лощеной посуды М.А.Тиханова права, ибо эта керамика производилась и в Северном Причерноморье, и в римских провинциях. Но все дело в том, что эта, достаточно однородная серо- и чернолощенная черняховская керамика, тем не менее, очень сильно отличалась по морфологическим признакам, и практически не повторяла ни одной из распространенных в позднеантичном мире типов кружалной керамики, что не позволяет на наш взгляд проводить анализ керамического материала без учета формы наряду с другими признаками.

Следующей работой, посвященной той же проблеме, является статья Георге Диакону (Diaconu 1970: 243-251). В начале работы он ставит две задачи, которые пытается решить в процессе своего анализа, чтобы выяснить пути проникновения гончарства в черняховскую культуру:

1. Исследовать категории керамики, которые характерны для ЧК.
2. Выяснить, на какой стадии развития гончарства находились народы, которые участвовали в образовании культуры.

Георге Диакону считает необходимым коснуться и происхождения лепной керамики, точнее ее основных групп, правильно понимая, что эта тема имеет такое же первостепенное значение для вопроса о появлении гончарства в черняховской культуре. Он выделяет четыре больших группы лепной керамики, представленных на следующих территориях: I — Волянь и Северо-Западная Украина, связывая ее с центрами Willenberg, Oksywia и приписывая ее готам; II — Карпатская Украина и Галиция — керамика пшеворского типа; III — керамика среднего Днестра зарубинецких традиций и на севере северопричерноморских степей — скифосарматская керамика; IV — на западе и юго-западе, в области Дакии — керамика гето-дакийского типа (Diaconu 1970: 245). Керамика, сделанная на гончарном круге, таких отчетливых особенностей в себе не несет и на всей территории культуры, по мнению Г. Диакону, достаточно однородна. Автор делит всю гончарную керамику на три группы: I — серая и серо-черная тонкая керамика; II — провинциально-римская керамика из грубой зернистой глины, которая в большинстве случаев, также серо-черного цвета. В западной части распространения культуры появляется в незначительном количестве также зернистая керамика красновато-кирпичного цвета. III — римская керамика из уточненного импортного теста. Автор избирает для рассмотрения лишь первые две выделенные группы гончарной керамики, а методом своего исследования только факт наличия или отсутствия гончарного круга и данных групп керамики в различных культурных общностях. Он делит все культуры, попавшие в этот большой ареал, на следующие общности:

1. Культуры, которым неизвестен гончарный круг;
2. Культуры, которым он известен, но не производящие грубую зернистую керамику;
3. Культуры, производящие обе группы керамики.

Гончарного круга ни на нижней Висле, ни у зарубинцев, пшеворцев, ни в районах среднего Дуная, где обитали маркоманны, квады, языги, Г.Диакону не обнаружил (Diasconu 1970: Abb. 1). Так как автор считает *argioi*, что черняховскую культуру образовали пришедшие с нижней Вислы племена, то он предполагает исходя из вышесказанного два возможных пути, по которым эти племена могли получить гончарный круг:

1. Ремесло было перенято из северопрichernоморских городов и ремесленных поселений, но исследователь полагает, что керамика латенских традиций в рассматриваемое время там не производилась, что находится в явном противоречии с работами Р.И.Ветштейн (1953: 15), А.И.Фурманской (1962), Г.М.Мелентьевой (1969: 28), А.В.Гудковой (1979: 9-115). Этот взгляд также базируется на постулате, что причерноморские города узнали готов лишь в 30-40-х гг. III в. н.э., когда в своих основных чертах ЧК была уже сформирована. Мы не будем касаться вопроса о традиции сероглиняной лощеной керамики Ольвии в I-х веках н.э. Но по поводу «сформировавшейся черняховской культуры (далее ЧК) в 30-40-х гг. III в. н. э. можем возразить, ибо нам неизвестно ни одного памятника ЧК, который бы датировался этим временем, известно лишь несколько погребений, которые можно датировать *terminus post quem* 30-40-ми гг. III столетия. Эти факты говорят о начале процесса формирования ЧК в это время, или точнее об увлывимости этого процесса в археологическом материале с этого времени, но никоим образом не может трактоваться как сформировавшаяся культурная общность. Основываясь на заключении, что керамика античных центров иного облика, он отсекает, как возможный путь и сарматские древности, которые употребляли главным образом, лишь античную керамику.

Г.Диакону, подводя итоги, пишет: «Наиболее вероятным путем проникновения тонкой керамики из серой глины, одновременно с появлением гончарного круга, могут быть северо-северо-западные области ЧК, где выделяется культура Липица-Пояна, которая единственная указывает твердые традиции в гончарстве и особенно глины серых тонов» (Diasconu 1970: 246). Автор понимает шаткость этого положения, ввиду того, что эта культура прекращает свое развитие около 180 года, что связывается с изгнанием костобоков из этой области, но считает, что влиянием липицкой культуры нельзя пренебрегать. Г.Диакону считает, что наличие памятников Болотное-Звенигород, где доказано присутствие липицких элементов в начале III века н.э.,

говорит о возможности их существования в более позднее время. Некоторые исследователи полагают, что эти памятники относятся к гораздо более раннему времени и не могут быть основой изменения датировки (Щукин 1979: 77). Далее Г. Диакону пытается разрешить и проблему появления тонкой черной керамики, которую он приписывает северным народам, имевшим традиции изготовления подобного рода посуды. Со времени появления в сложившемся виде ЧК, лепная чернолощенная керамика стала производиться на гончарном круге. Г. Диакону выдвигает гипотезу о том, что на ранних памятниках ЧК должен присутствовать большой процент серой тонкой керамики и небольшой — черной, а керамика провинциально-римских традиций из грубой зернистой глины полностью должна отсутствовать, так как она появляется лишь во второй половине III в. н. э. и в течение IV в. н. э. с увеличением ее доли до 50-60% от всего количества керамики. Это связано, по его мнению, с притоком гончаров из других центров в черняховскую культуру.

Рассмотрим происхождение последней группы керамики — грубозернистой или провинциально-римской. Эта керамика в предшествующее время достигает окраин империи в трех отличных друг от друга регионах: 1. В верховьях Дуная и Рейна; 2. В среднем течении Дуная; 3. В нижнем течении Дуная.

Ввиду отсутствия древностей готов в первых двух районах, а также появления в IV веке на территории нижнего Дуная черняховской культуры, Г. Диакону избирает объектом рассмотрения третий регион. Исследователь вновь обращается к северопрichernоморским городам, но связывает появление там серой зернистой керамики лишь с походами готов, которые эту керамику уже имели к 240-250-м гг. (Diasconu 1970: 249). Он последовательно исключает из своего рассмотрения керамику свободных даков, липицкой культуры, культуры Поянешты-Виртешкой, где она была неизвестна. Анализируя керамический материал с помощью своего метода, он приходит к выводу: «провинциально-римская керамика в Трансильвании, Олтении и у свободных даков в Валахии и у носителей культуры Килия-Тыргшор встречена в ряде поселений и могильников в Валахии, которые происходят с конца II-III вв. н.э. и где эта керамика встречена с долей 50-60%. Эти памятники принадлежат свободным дакам, находящимся в развитой стадии романизации. Внутри этой культуры прослеживается ряд культурных элементов сарматского облика, а также сильные северные традиции в районе северо-восточной Дакки». Г.Диакону считает, что это пшеворские племена, которые, вероятно, к середине и второй половине III в.н.э., до регулярного проникновения носителей ч.к. в этот регион, уже были среди земледельческого населения в Валахии. Появление готов в этом районе автор относит лишь

ко времени Галлиена—Аврелиана (253-275 г.г.). Эта волна северных германцев и распространила в области ЧК грубую зернистую керамику и вместе с ней подвязные арбалетные фибулы, а также гребни из костяных пластинок. Распространение этих трех культурных компонентов по Г.Диакону и является показателем полностью сложившейся культуры типа *Sintana-de-Mureş* (Diaconu 1970: 251).

Работа Г. Диакону представляет для нас большой интерес, ибо здесь проведена попытка анализа керамического материала на четко обоснованной методической основе. Практически вся работа строится по четко выделенным технологическим признакам, но форма сосуда и набор форм керамики, представленной в черняховской культуре, автором не принимается во внимание. В то же время ряд положений автора нам кажется сомнительными. Прежде всего коснемся еще раз липицкой культуры. При постулировании Г. Диакону готской принадлежности ЧК, вероятно, должны были появиться поселения и могильники, на которых также заметен симбиоз, подобный липицко-пшеворским памятникам типа Звенигород-Болотное, где сочетались бы также липицкие и вельбаркские элементы. Таких памятников до сих пор не обнаружено и, видимо, не может быть найдено, ибо ко времени появления готов в этом районе, липицкой культуры уже не существовало.

Далее, коснемся еще раз северопричерноморских городов. Тонкая серая гончарная керамика в незначительном количестве существовала в Ольвии и в Тире уже во II в. н. э., хотя по своим формам она существенно отличалась от черняховской керамики. В третьем веке нашей эры появляется, прежде всего в хоре причерноморских городов, керамика, которая представлена в раннечерняховском горизонте. Помимо этого, на территории, включенной Г. Диакону в область рассмотрения, существует культура Пояншты-Вертешкой, где эта керамика выступает также в большом количестве. Таким образом ареал появления тонкой серой гончарной керамики существенно расширяется, если исходить даже только из технологических признаков. В отношении грубозернистой керамики следует указать также на культуру карпатских курганов (Вакуленко 1977: 57), где эта керамика была известна, а также на отдельные находки этой керамики из культурного слоя городов Северного Причерноморья в «доготских» слоях (Гудкова, Фокеев 1982: 93-94). Вопросы, касающиеся хронологии различных процессов, затронутых Г.Диакону, мы рассмотрим в разделе, посвященном рассмотрению керамического материала культур, которые могли дать импульсы к формированию черняховского единства.

Перейдем к работам, где главным вопросом является именно анализ происхождения различных форм гончарной посуды. Существуют две статьи, очень похожие по анализу иссле-

дуемого материала. Это работы А.Т.Смиленко и Б.В.Магомедова. Статья А.Т.Смиленко (Смиленко 1970: 76) изложена очень тезисно и по существу не отличается от основных идей, предложенных Б.В.Магомедовым, поэтому рассмотрим взгляды последнего автора.

Б.В.Магомедов в своей работе избирает путь «типологического сравнения с керамикой территорий, вошедших в черняховский регион и его окружение» (Магомедов 1977: 111). Самым существенным недостатком этой работы, который можно сразу отметить, является отсутствие классификации гончарной черняховской керамики, за исключением работы по классификации черняховских кувшинов. На наш взгляд, нельзя подходить к вопросам о происхождении форм, не имея классификаций всех категорий посуды (Магомедов 1973). В таблице Б.В.Магомедова представлены лишь усредненные типы и по ним уже подбираются аналогии. Также, как мы уже отмечали выше, необходимо сравнивать керамику из раннего горизонта черняховской культуры, что не делается автором этой работы.

Б.В.Магомедов коснулся и проблемы технологии производства керамики: «что касается конструкции гончарных горнов, то в предримское и римское время они были почти одинаковы во всей Европе и мало могут дать для решения стоящей перед нами задачи» (Магомедов 1977: 111). Здесь автор не совсем неправ, ибо кельтский тип печи значительно отличается от греко-римского по своей конструкции (Hemming 1978) и рассмотрение типов печей, открытых в ЧК, может пролить свет на происхождение гончарства последней. Исследователь далее традиционно делит всю гончарную керамику на столовую и кухонную: «кухонная посуда изготовлена из грубого глиняного теста с примесью дресвы, имеет шероховатую поверхность, использовалась для приготовления пищи. Основные формы — это горшки и корчаги. Орнамент сдержанный — горизонтальные врезные линии или наlepной валик. К столовой посуде относятся сосуды, сделанные из тонкой глины. Поверхность подвергалась лощению. Основные формы — миски, трехручные вазы, кувшины, кубки» (Магомедов 1977: 111). Остановимся на классификации категории мисок. Б.В.Магомедов делит их на открытые и закрытые, что немного дает для сравнения с иной керамикой, так как необходимы совершенно иные критерии отбора признаков. Далее он пишет: «Миски обычно имеют биконическую форму» (Магомедов 1977: 113), используя термин, имеющий достаточно четкое определение и отделяющийся от иного типа реберчатых форм. Таким образом из обзора исключаются цилиндрико-конические и усеченно-конические миски, которые на деле и являются более ранними. Перечень культур и культурных центров взятых для анализа примерно тот же, что и у Диакону, но здесь включены также культурные общности, которые не доживают

до периода формирования ЧК (кельты, зарубинецкая культура, гето-даки). Он берет для сравнения кельтские памятники конца латена, дакийские миски I в. до н.э. — I в. н. э., зарубинецкая культура, как известно, исчезает в III четверти I в. н. э. Автор этой работы руководствуется совершенно иными критериями, чем выделенные нами, чем и объясняется такой подбор объектов анализа. Здесь снова сказывается «идея кельтского Ренессанса», которая по всей видимости висела несколько столетий в воздухе и, наконец, с приходом ЧК упала на землю, обогатив и выделив ее среди других народов Восточной Европы. Исходя из поставленных автором проблем, его должны были интересовать прежде всего вопросы, где могли усвоить такую керамику черняховцы, а не где производилась независимо от времени подобного рода керамика. Исходя из вышесказанного, нам кажется, что единственным пригодным для сравнения материалом является, керамика, встреченная в слоях I-III вв.н.э. городов Сев.Причерноморья, прежде всего Ольвии и Тиры. Автор, ссылаясь на рукописные работы Р. И. Ветштейн, хранящиеся в архиве, считает возможным выводить большинство форм из северопричерноморских центров (Ветштейн 1955). Он пишет: «Подавляющее большинство форм черняховской гончарной керамики происходит из северо-причерноморских центров, что очевидно объясняется заимствованиями из этих центров и самой техники изготовления сероглиняной гончарной посуды (Магомедов 1977: 112). Здесь можно отметить, что работ по ольвийской и тирской сероглиняной керамике, относимой к дочерняховскому времени, нет, и вся керамика черняховского облика, встреченная в слоях причерноморских городов, может быть гораздо более поздней и объясняться экспансией ЧК. Мы можем в заключении обзора этой работы отметить, что в ней не предложена четкая методика для решения данной проблемы, это можно отнести и к работе А.Т.Смиленко (Смиленко 1970: 76).

Кратко остановимся еще на одной работе, где вопрос происхождения черняховской керамики рассмотрен в специальном разделе. Это — работа В. Д. Барана, написанная по материалам раскопок черняховских памятников верхнего Днестра и Западного Буга. Автор во многом опирается на рассмотренную нами выше работу Б.В.Магомедова, конкретизируя ее в некоторых деталях и противопоставляя отчасти свое собственное мнение. В.Д.Баран пишет: «Все гончарные миски, в том числе и миски — вазы с тремя ручками, находят прототипы в керамике римских слоев Причерноморья (Баран 1981: 95). Далее он пишет: «На территории Верхнего Приднестровья гончарная посуда появляется в готовом виде уже в позднелатенский период вместе с древностями кельтов, далее гончарную посуду используют липицкие племена, но наибольшее распространение получает она в кон-

це II-IV вв.н.э. с появлением ЧК. Автор также вслед за Б.В.Магомедовым обращается к технологии изготовления гончарной керамики, конкретизируя эту проблему, также не расчлняя гончарные горны на два основных типа. Он пишет: «На вопрос, кто были эти гончары, указывает анализ керамических наборов ЧК, прототипы которым, как и гончарным горнам, находятся на территории римских провинций. На основе сопоставления этих фактов можно сказать, что гончарство во второй четверти I тысячелетия н.э. на территории Юго-Восточной и Центральной Европы было привнесено извне и находилось в руках провинциально-римских гончаров. В подтверждение этой гипотезы свидетельствует и то, что время его отмирания совпадает со временем кризиса римской империи и утратой богатых сфер влияния вместе с варваризацией придунайских провинций, которые были плацдармом распространения провинциально-римской культуры на север» (Баран 1981: 98). Идея о привнесении гончарства извне означает, что черняховские мастера, по его мнению, так и не овладели этой идеей и всю посуду производили мастера-эмигранты, пришедшие из провинций. На наш взгляд, эта идея В.Д.Барана связана с увязкой верхнеднестровской группы черняховских памятников со славянами, которым гончарная посуда была не присуща.

Так как основными центрами производства сероглиняной гончарной керамики вблизи ареала ЧК являлись античные города Северного Причерноморья, прежде всего Ольвия и Тира, то интерес к сравнительному анализу черняховской и античной сероглиняной посуды не ослабевал. Следствием этого можно считать появление двух наиболее важных работ А.В.Гудковой и В.В.Крапивиной (1988; 1990).

В более ранней работе, посвященной керамике Ольвии первых веков нашей эры, проведена дробная классификация всей сероглиняной гончарной посуды и указаны их возможные прототипы (Гудкова, Крапивина 1988: 87, 102). За 40 лет исследований после написания единственных серьезных работ, посвященных сероглиняной керамике Ольвии (Р.И.Ветштейн 1953, 1955 гг.), число хорошо датированных комплексов первых веков нашей эры в Ольвии практически не возросло. Авторы пишут: «Верхние слои Ольвии сильно разрушены, хронологически почти не расчлняются, закрытых комплексов мало, кроме того они не всегда содержат интересующий нас материал» (Гудкова, Крапивина 1988: 83). Поэтому определить, когда миски второго типа второго вида по их классификации, близкие черняховским мискам, появились в Ольвии, до или после появления ЧК, не удается. Единственное, можно определить, что ряд форм мисок типа II, вида 2, 3, вазы, зерновки, кувшины типа V, появились только в первые века нашей эры, а не раньше. Основные выводы авторов заключаются в том, что ввиду различного

соотношения форм столовой посуды ЧК и Ольвии и ввиду связи гончарной керамики ЧК с лепными формами и их резкого отличия в Ольвии от гончарной посуды, керамика ЧК и Ольвии существует как два параллельные явления, и четкая генетическая связь между ними не прослеживается (Гудкова, Крапивина 1988: 102).

В препринте, посвященном сравнительному анализу сероглиняной керамики Тире, Ольвии и ЧК, авторы используют несколько иную методику. Применяя в основном классификацию, построенную ими для Ольвийской сероглиняной керамики, они сравнивают ее с керамикой памятников степной зоны и Среднего Поднепровья ЧК (Гудкова, Крапивина 1990: 1, 2). Для каждого типа керамики приводится обширный список аналогий и прототипов, чаще всего без учета их возраста. Целому ряду типов мисок ввиду наличия лепных и гончарных форм выбраны в качестве аналогий зарубинецкие типы лепных сосудов (Гудкова, Крапивина 1990: табл. II). Большим прогрессом в этой работе явилось то, что биконические миски в Ольвии в результате раскопок последних лет на территории римской цитадели были найдены в слоях II в.н.э. Эту дату подтверждают данные Козырского городища, где появились биконические миски также во II в.н.э. В Тире они появляются, по мнению авторов, на позднейшем этапе ее формирования после готского разгрома.

Авторы выдвигают также интересную гипотезу о том, что в Ольвии происходила самостоятельная выработка типов сероглиняных биконических мисок под влиянием форм краснолаковой керамики западных провинций (Гудкова, Крапивина 1990: 6, 7). Выводы авторов почти не отличаются от заключений более ранней работы, но так как они существенны для нашего анализа керамики, то кратко их приведем:

1) Сероглиняная столовая посуда Тире и Ольвии в первые века н.э. занимала подчиненное место по отношению к краснолаковой керамике. На памятниках ЧК вся столовая посуда сероглиняная и связь ее с лепными формами несомненна.

2) Соотношение форм в сероглиняной столовой посуде Тире и Ольвии иное, чем на черняховских памятниках. Для первых характерно преобладание кувшинов и округлых мисок, для вторых — ребристых мисок и горшков (Гудкова, Крапивина 1990: 15).

3) Орнаментация сероглиняной столовой посуды Тире и Ольвии сильно отличается от орнаментации черняховской керамики.

4) Сероглиняная керамика Ольвии представляет собой античный комплекс, сложившийся на основе древней Ольвийской гончарной традиции под влиянием керамики римских провинций.

Авторы в этой работе также определили, что ранние черняховские памятники Причерноморья появились в середине — второй половине III в.н.э., а в степях между Дунаем и Днест-

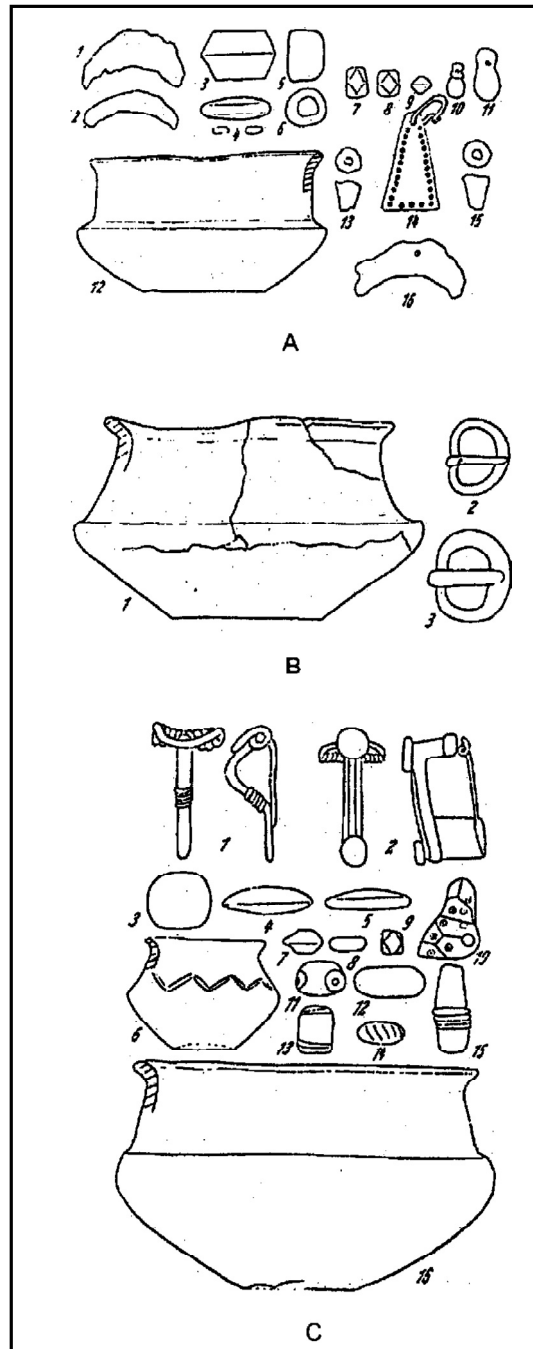

Табл.1. Комплексы вельбаркской культуры с сосудами VI по Р.Шиндлеру (R.Schindler 1940: Abb.39-41)

ром гораздо позднее — не ранее середины IV в.н.э. (Гудкова, Крапивина 1990: 19). Исходя из этого, они считают, что взаимодействие черняховцев с Тирой и Ольвией до их разгрома практически было невозможно, так как результатом появления черняховского населения и явилась гибель Тире, Ольвии и Танаиса, жизнь которых возобновляется лишь к концу III в. н. э.

Сравнительный анализ керамики показал, что «черняховцы появились здесь уже со сложившимся комплексом сероглиняной посуды, и влияние Тире и Ольвии было опосредствованным через более ранние культуры, подвергши-

еся античным воздействиям. Это не исключает работы отдельных гончаров из Тиры и Ольвии на черняховских поселениях, но это имело место не ранее рубежа III-IV в. н. э. и не могло определить облик керамического комплекса всего ареала ЧК» (Гудкова, Крапивина 1990: 19).

В этих последних работах произведена детальная классификация керамики и учтен момент хронологического стыка с прототипами — культурами-предшественниками.

В заключение обзора подведем некоторые итоги. Можно заметить, что подходы авторов весьма различны, прежде всего по своему методу. Г.Диакону и М.А.Тиханова пытаются положить в основу своих гипотез технологические критерии без учета морфологических характеристик, тогда как Б.В.Магомедов, А.Т.Смиленко, В.Д.Баран и А.В.Гудкова и В.В.Крапивина берут за основу прежде всего эти данные. Далее можно заметить, что выводы М.А.Тихановой и В.Д.Барана основаны на изучении достаточно узкого региона и перенесены на происхождение всей черняховской гончарной керамики.

Исходя из краткого разбора основных ра-

бот, хотелось бы отметить, что нами при сравнительном анализе будут учитываться, как реальные претенденты культуры, не имевшие гончарного круга ко времени формирования ЧК, ибо вопрос о происхождении форм сосудов в ряде случаев может на определенной стадии исследования ввиду его сложности рассматриваться отдельно, а лишь затем включаться в общую процедуру исследования. Для ряда культур зафиксировано усвоение гончарами прежних лепных форм и их обработка или частная переработка, а не заимствование только новых форм. На это указывает и Г.Диакону в вопросе происхождения черной тонкостенной керамики.

Далее, на наш взгляд, очень существенно и то, что некая культурная общность очень часто заимствует в чуждой культуре не совершенно новые формы, а формы, близкие собственным, но выполненные в иной технике (гончарный круг, иная орнаментация, лощение, проработка отдельных деталей и т.д.). Все это заставляет нас сравнительный анализ типов керамики с учетом вышеизложенного считать одной из основных частей нашей работы.

2. Керамическое производство Центральной и Западной Европы в III в.н.э. и происхождение ведущих типов черняховской гончарной керамики раннего горизонта

При разработке вопросов происхождения черняховской гончарной посуды, на наш взгляд, не были учтены два важных момента.

Во-первых, керамика рассматривалась во всей культурной совокупности без учета морфологических особенностей различных хронологических этапов, как ЧК, так и культур, используемых для сравнительного анализа.

Во-вторых, не всегда отделялся вопрос о происхождении гончарства в ЧК от вопроса о происхождении форм керамики. На наш взгляд, гончарное ремесло могло придти на территорию, занятую ЧК, не обязательно с ее создателями, а отдельно, и даже из разных гончарных центров и в разное время. Поэтому мы считаем, что формы черняховской посуды не следует искать только в культурных единствах, имеющих гончарный круг, а нужно использовать для анализа также культуры, не имеющие в предыдущее и синхронное время гончарной посуды. Гончарство повлекло за собой полное изменение технологии изготовления керамики и декоративных элементов, так как гончарные сосуды очень редко бывают разнообразно украшены, но сохранило стойкие местные традиции, выразившиеся в передаче формы сосуда. Именно поэтому модель формы является для нас основным показателем для выяснения связей между культурными общностями.

Прежде чем мы перейдем к вопросу происхождения отдельных форм керамики ЧК, необходимо выделить те принципы, которыми мы

будем руководствоваться в нашей работе.

1. Выделение раннечерняховского горизонта дает возможность изучения керамики этого горизонта и тех импульсов, которые привели к формированию ЧК, т. е. необходимо уловить период становления культуры, когда еще нет нивелировки за счет массового гончарного производства (см. работы по хронологии: Щербак-ова, Щукин 1986; Tejral 1986; 1987; Kazanski 1988; Гей, Бажан 1992; Шаров 1992).

2. Вопрос выбора культурных общностей для сравнительного анализа есть вопрос хронологический, ибо для передачи культурной традиции обе культуры должны существовать какой-то период одновременно. Явление кельтского Ренессанса не может висеть в воздухе, эти традиции должны быть переданы через реальных носителей.

3. Ареал выбора анализируемых культур, с учетом вышеизложенного, не совпадает с областью распространения ЧК. Нами допускается возможность миграции как создателей керамики из любого региона Европы, так и потребителей такой керамики уже в период ее существования. Причем группы мигрантов, принесших керамику и навыки ее изготовления, могли быть немногочисленными. Развитие эти формы могли получить уже на месте, и в новой технике.

На первом этапе исследования мы рассмотрим керамическое производство культур, соседних с ареалом ЧК, причем основной упор сделаем на культуры юго-западного региона.

2.1. Вельбаркская культура (Табл.1-4)

Эта культура образовалась по данным исследований польских археологов в раннеримское время, на основе оксывской культуры, которая имела до этого момента большое сходство с соседней пшеворской культурой (Godłowski, Okulicz 1981: 41-42). Изменения погребального обряда, ряда компонентов материальной культуры, прежде всего керамики, позволили говорить о формировании новой культурной общности — вельбаркской культуры. Развитие и распространение вельбаркской культуры на цецельской фазе, синхронной периодам В2/С1-Д, подробно рассмотрены Р. Волонгевичем в ряде работ. Он разделит территориально памятники этой фазы на 6 зон А-Ф, увязав их распространение на юго-восток с экспансией готов. Нас будет интересовать, прежде всего, зона Ф, включающая Волынь и Полесье (Wołagiewicz 1974: 129-152; 1981: 79-107). На территории Волыни и Полесья первые памятники вельбаркско-цецельской культуры появляются в конце фазы В2 (Кухаренко 1980: 64-77). Памятники типа Брест-Тришин были первой волной движения вельбаркского населения в зону Ф, следующей волной были переселенцы, заложившие могильник в Дитиничах (С1b) и еще несколько позже появились носители воынской группы полей погребений, где наблюдается смешение различных культурных компонентов. Ю. В. Кухаренко относит к этой группе погребения и более раннего времени (Кухаренко 1980: 75), выделенные М.Б.Щукиным в Брест-Тришинскую волну вель-

баркской культуры (Szczukin 1981: рис. 4, 5, 7). Нам кажется, что здесь смешались различные волны: волна, пришедшая вместе с Брест-Тришиным и продолжающая существовать и далее, и волна, образующая собственно воынскую группу (может быть, из Масломенжской культуры?), пришедшая в конце фазы С1b уже с иными чертами, которые близки черняховским. Объединение их в одну группу позволяет исследователям говорить о смешанном характере памятников, о невозможности провести четкую грань между ними, в то время как это могут быть два хронологических этапа. Памятники, имеющие в себе ряд новых культурных признаков с сохранением ряда старых, и есть памятники ЧК. Поэтому смешанный характер воынской группы полей погребений не является, по нашему мнению, доказательством промежуточного звена между вельбаркскими и черняховскими памятниками. Обратимся к анализу керамического материала вельбаркской культуры (табл. 1, 2). Этой теме посвящены: работа Р.Шиндлера, вышедшая в 1940 году, и работа Р.Волонгевича 1993 года. Первая работа во многом устарела, в частности, в отношении хронологии, но схема классификации керамики остается до сих пор общепринятой. Р.Волонгевич ввел в классификацию еще 2 новых типа остроруберных мисок: ХаА и ХIВА (Wołagiewicz 1993: 14) (табл.3, 4). К моменту появления ЧК гончарной керамики у вельбаркской культуры еще не было, она появилась лишь на стадии С2 и наибольшее распространение получила в IV в.н.э. Рассмотрим подробнее лепную керамику.

Кухонная керамика. Сосуды сделаны из глины, содержащей примеси песка, дресвы, реже шамота. Состав и количество примесей зависит во многом от функционального назначения сосудов. Большие толстостенные сосуды изготовлены из глины, содержащей много примесей, почти все с шероховатой или хрупчатой поверхностью. Хрупчатость наносилась обычно лишь на тулово сосуда, а верхняя и придонная части всегда тщательно выглажены и вылощены. Основные формы — I, II группы Р. Шиндлера.

Столовая керамика. Сосуды более сложной профилировки (кувшины, вазовидные сосуды) изготовлены из хорошо отмученной глины. Наружная поверхность сосудов лощеная или тщательно выглаженная, часто орнаментированная. Орнамент резной или прочерченный (линейный, зигзагообразный, меандр, сочетание хрупчатых и лощеных поверхностей и т. д.).

Характерно четкое расчленение отдельных частей сосудов (IV, V, VI, XVIII группы Р. Шиндлера). Почти все лепные сосуды имеют коричневый цвет внешней поверхности, посуда более сложной профилировки имеет черный цвет по-

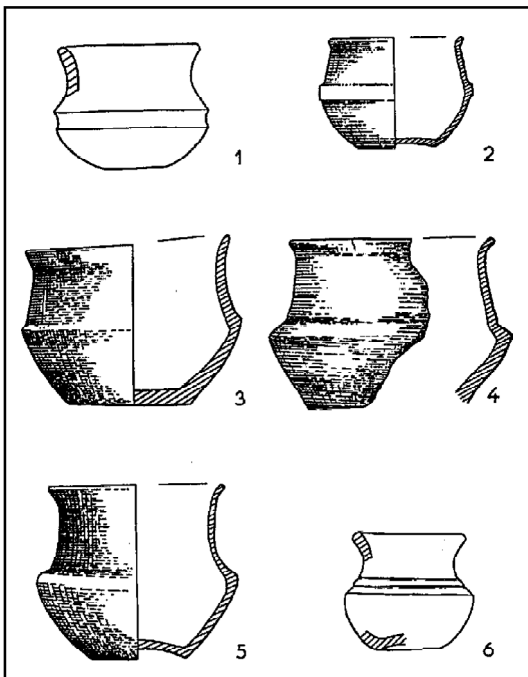

Табл. 2. Керамика XVIII группы вельбаркской культуры (Wołagiewicz, 1993, tabl. 37)

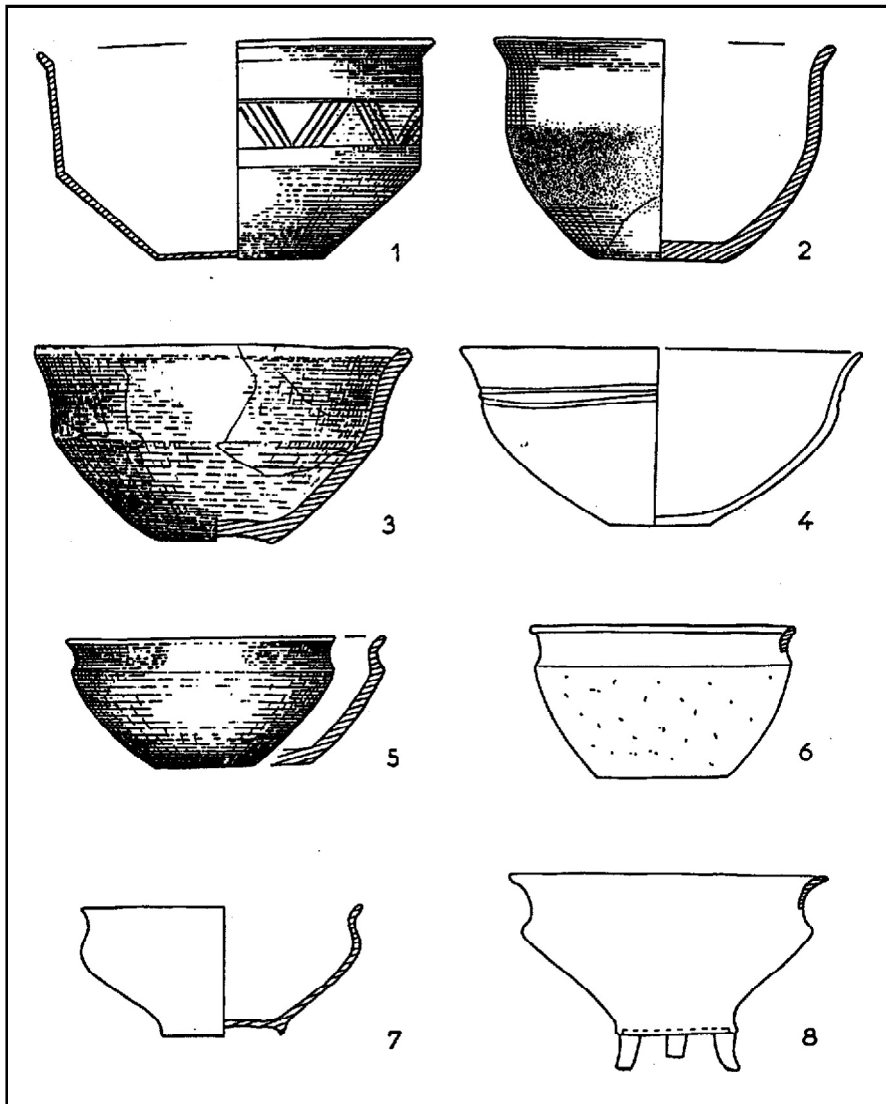

Табл. 3. Керамика группы ХаА по Р.Волонгевичу (Wolańgiewicz 1993: tabl.27)

верхности, часто несет следы лощения. Р. Шиндлер выделил гончарные сосуды в VII группу, куда у него попали 12 сосудов, которые он датирует по комплексам II в.н.э. и связывает с шлезвигским кругом древностей. Эти факты конечно не могут служить основой для утверждения, что гончарство в вельбаркской культуре появилось уже во II веке, что отмечает и Р.Шиндлер, относя появление гончарных сосудов на Висле к развитому III в.н.э. Он пишет, что формы сосудов среднеримского времени за исключением маленьких сосудов (11 и 18 группы) и ваз исчезают в позднеримское время, что связано, по его мнению, с очень резкими переменами социальной, экономической и политической жизни и есть следствие ухода готов к Черному морю. «Ни в одной восточно-германской культуре грань между II и III столетием в керамическом материале не выражена так резко, как в области Вислы» (Schindler 1940: 99). В это время появляется новая форма сосудов — «Schaleutnen» или «высокие миски». Р. Шиндлер считает, что эта форма появилась в начале

III века и вместе с арбалетными фибулами с подвязной ножкой распространялась гепидами, которые большей частью оставались до 350 года в Повисленье (Schindler 1940: 101). Эта точка зрения нас интересует постольку, поскольку это связано с появлением этого типа посуды в ЧК. Для Р. Шиндлера это вопрос хронологический, ибо готы уже ушли на восток, когда появились эти формы сосудов и фибулы с подвязной ножкой. Сейчас дата фибул уточнена — они появляются уже в начале периода C1 и соответственно как фибулы, так и эти сосуды могли принадлежать готам (Цецеле, Брест-Тришин, Гостково, 325). К. Годловский отмечает, что VI группа сосудов выступает уже с фибулами Альмгрена II и V группы, но классические представители этой группы сосудов появляются лишь в конце стадии C1 (Godłowski 1974: 35). В Брест-Тришине сосуды VI группы встречены в целом ряде погребений, которые не определяют самого раннего этапа функционирования этого могильника (Кухаренко 1980). Вазы VI группы в большинстве случаев не орнаментированы и

представляют ранние формы в типологическом ряду Р.Шиндлера, который необходимо на его таблице несколько сдвинуть влево и вместить все формы этих сосудов в III в.н.э., хотя типологическое развитие этой группы остается неизменным, изменяется лишь их хронология. Следующая волна северных переселенцев Дитиничи уже несет в себе практически все формы Schaleurnen и датируется с конца периода С1. Ошибки Р. Шиндлера были связаны с хронологическими разработками того времени, но тем не менее его выводы о принадлежности этих сосудов гепидам, во многом подтверждается тем обстоятельством, что ряд авторов видит в дитинической волне миграцию гепидов, с которыми и проникли эти развитые формы сосудов и далее получили самостоятельное развитие. К.Годловский пишет, что в стадии В2/С1 выступают существовавшие еще в В1 сосуды I-V груп-

пы, особенно с двумя и тремя ушками III и IV группы Р.Шиндлера, которые исчезают в конце стадии С1. Их ареал ограничен Поморьем и северной Польшей, позднее известны в зоне Мазовии (Godłowski 1974: 342). В стадии С1 появляются первые гончарные сосуды, причем сосуды в погребениях могильника Пруць Гданьский выступают в одном комплексе с прямоугольной пряжкой, а гончарный сосуд в «Pierzchalach», погр. 7 с поздней формой сильно профилированной фибулы, что, вероятно, говорит о влиянии пшеворской культуры, где гончарные сосуды появились в более раннее время. Р.Волонгевич пишет, что в ряде могильников, заложенных в стадии С1, керамика несет сильные пшеворские черты, а это показывает, что вельбаркская культура в фазе С1 не имела еще сложившегося стиля (PZP 1981: 180). Вельбаркская культура оформляется в сложив-

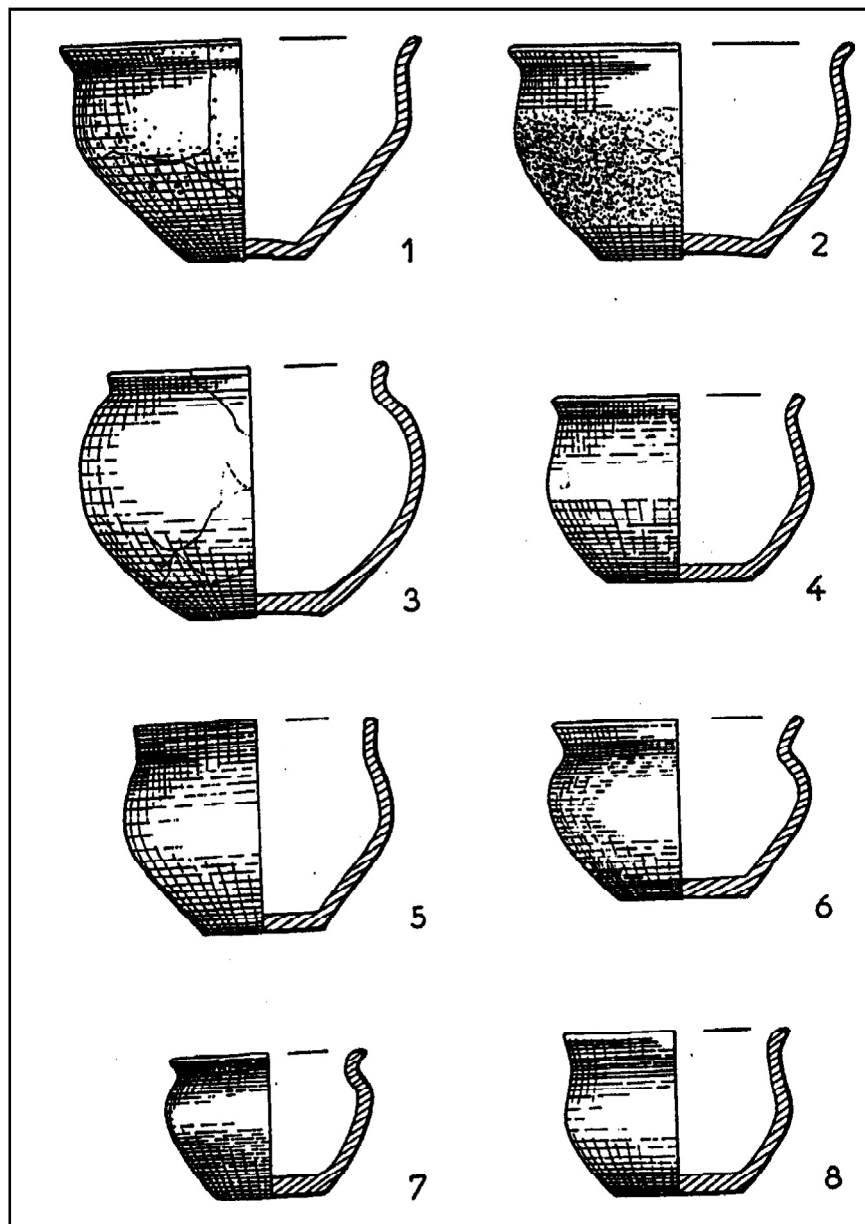

Табл. 4. Керамика группы XIV А и Б по Р. Волонгевичу (Wołagiewicz 1993: tabl. 31)

шемся виде лишь в фазе С2. В керамике этого времени наблюдаются очень сильные связи с Поморьем, возрождаются ряд форм, уже ранее исчезнувшие. Гончарные сосуды открыты в большом количестве, прежде всего в «Kozłowke» в фазе С3 и Д, и очень близки к черняховским формам. В лепной керамике можно также наблюдать сильное сходство с гончарной керамикой (Godłowski 1974: Taf. III).

Подведем некоторые итоги:

1. В момент первого появления вельбаркской культуры на территории Волыни и Подолии фазы В2/С1, а также ко времени появления ЧК, гончарного круга у носителей вельбаркской культуры не было, было лишь спорадичное выступление отдельных гончарных сосудов, что вероятно связано с влиянием пшеворской культуры.

2. В течение периода С1 происходит смена керамического набора культуры, исчезают I-V группы Р.Шиндлера и появляется новая VI группа — Schaleurnen, распространение которой идет

преимущественно в восточном направлении.

3. Отсутствие единого стиля в вельбаркской культуре периода С1, где заметно влияние пшеворской культуры; на стадии С2 складывается единый стиль для всей культуры, который по целому ряду признаков сближается с ЧК (погребальный обряд, фибулы, гребни, формы сосудов).

4. Появление гончарной керамики ВК связано с влиянием соседних культур, прежде всего черняховской, что отражено в близости форм гончарных сосудов и орнаментации. Появление гончарной посуды может быть отнесено не ранее, чем к развитой стадии С2.

5. Орнаментация сосудов (хрупчатость, расчесы, чередование лощеных и шероховатых поверхностей) прослеживается, в основном, на кухонной посуде, как правило, прорезной орнамент в виде линий и зигзагов на столовой керамике. Налепной орнамент отсутствует, существует лишь в виде псевдоушек, которые явля-

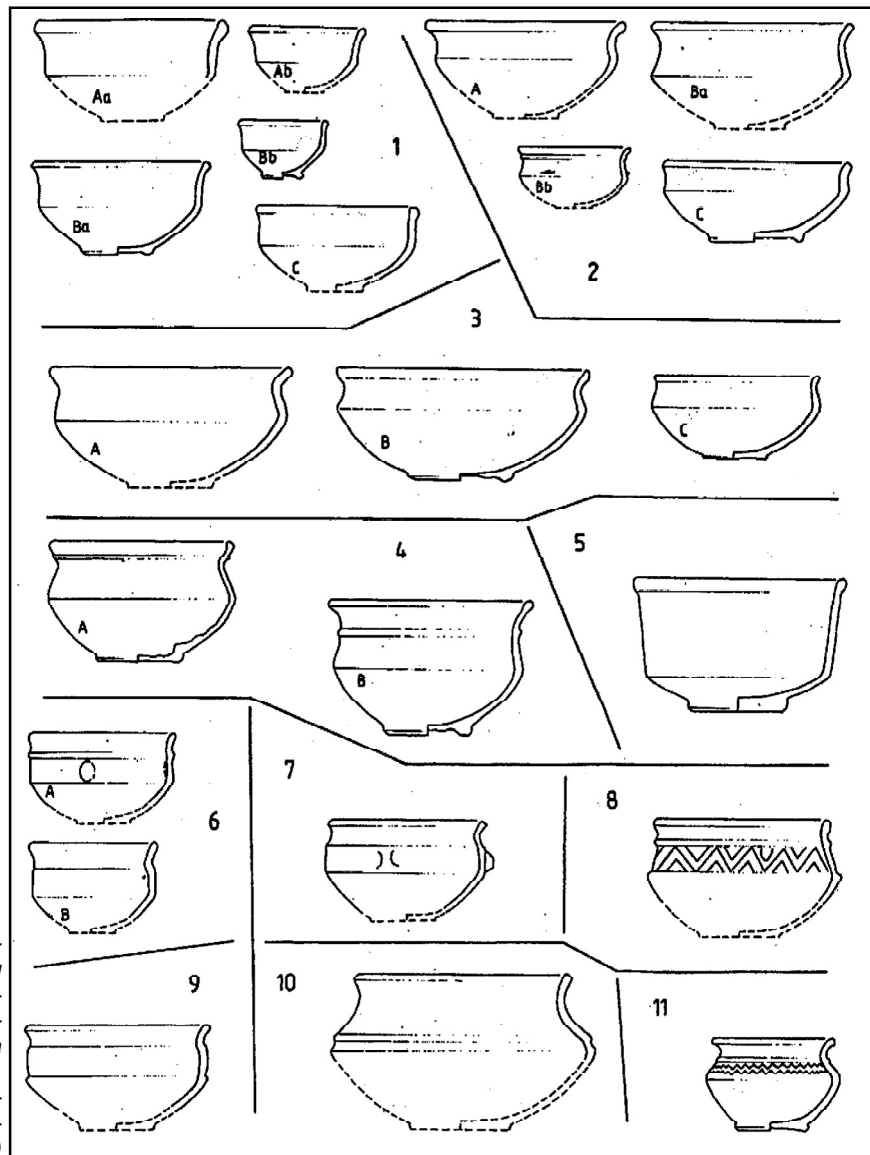

Табл. 5-10. Классификация керамики пшеворской культуры по Г.Добжанской (Dobrzańska 1990):

Табл. 5. Типы столовой гончарной керамики (№№ 1-11)

ются характерной особенностью вельбаркской культуры.

6. В лепной посуде среди керамического материала замечено почти полное отсутствие реберчатых форм. Редкие формы, выделенные Р.Волонгевичем в типы ХаА и ХІVА, появляются, самое раннее, в фазе В2/С1, но основное время их распространения — С1b-С2.

2.2. Пшеворская культура (табл.5-11)

Формирование пшеворской культуры падает на период латена С. Большую роль в процессе образования этой культуры сыграли кельтские элементы, прежде всего это относится к территории нижней и средней Силезии. Хронология для позднеримского времени подытожена и уточнена К.Годловским в целом ряде работ (Godłowski 1970; 1974; 1981; 1988; см. сводку: Lund-Hansen 1987; Шаров 1992). Можно заметить, что фазы развития вельбаркской и пшеворской культур до эпохи переселения народов

не совпадают. К. Годловский пишет, что граница между ареалами распространения памятников этих культур становится во многих случаях барьером для проникновения разного рода изделий и культурных влияний. Северное пограничье пшеворской культуры становится границей бытования terra sigillata, а в позднейшее время и границей массового появления гончарной керамики, что связано вероятно с какими-то глубокими различиями в укладе (Godłowski 1974: 15). Нас будет интересовать прежде всего ранняя фаза позднеримского периода, которая включает стадию С1 и частично С2. В лепной керамике пшеворской культуры можно выделить две основные группы.

Первая группа — кухонная грубая керамика, частично выглаженная, хруповатая или с полностью хруповатой поверхностью (тип 59-73 по Г.Добжанской — Dobrzańska 1990). Она сделана из глины с крупной, либо среднезернистой примесью. Орнамент достаточно однороден, в большинстве случаев просто отсутствует. Коли-

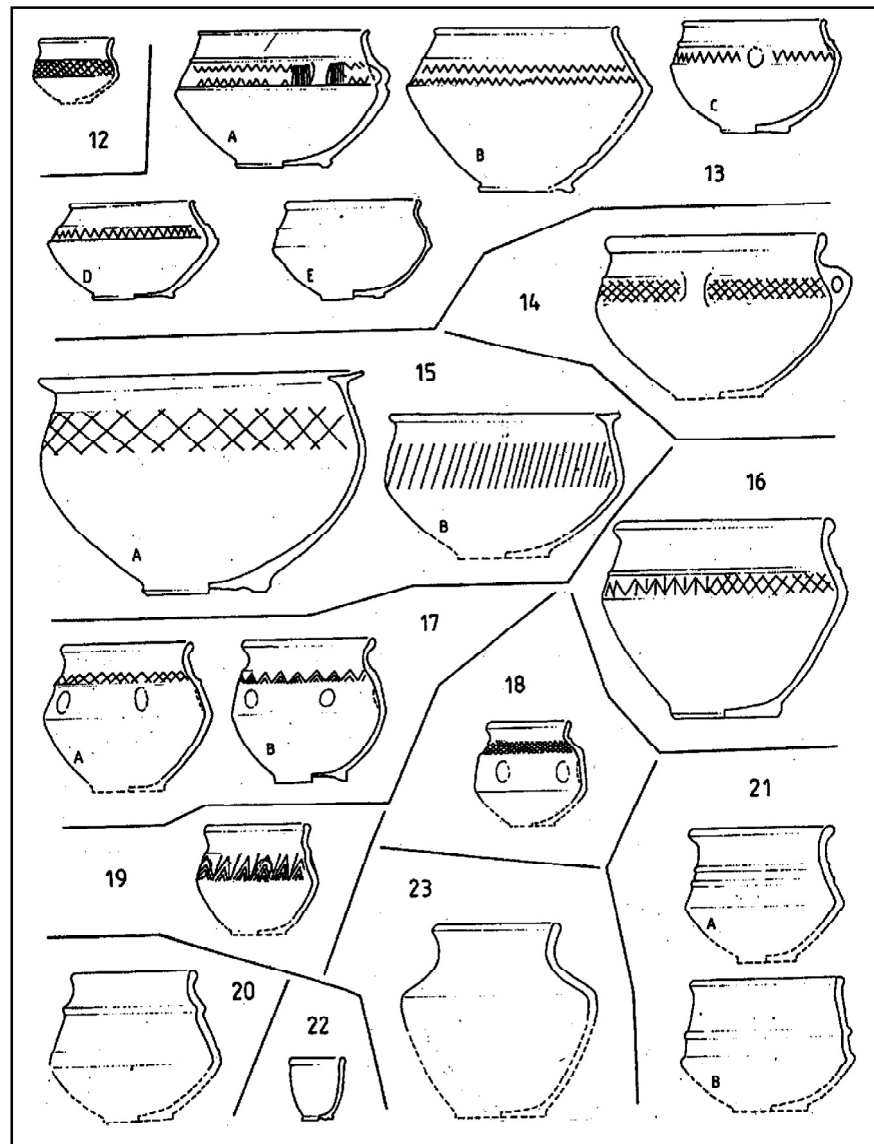

Табл.6. Типы столовой гончарной керамики (№№12-23)

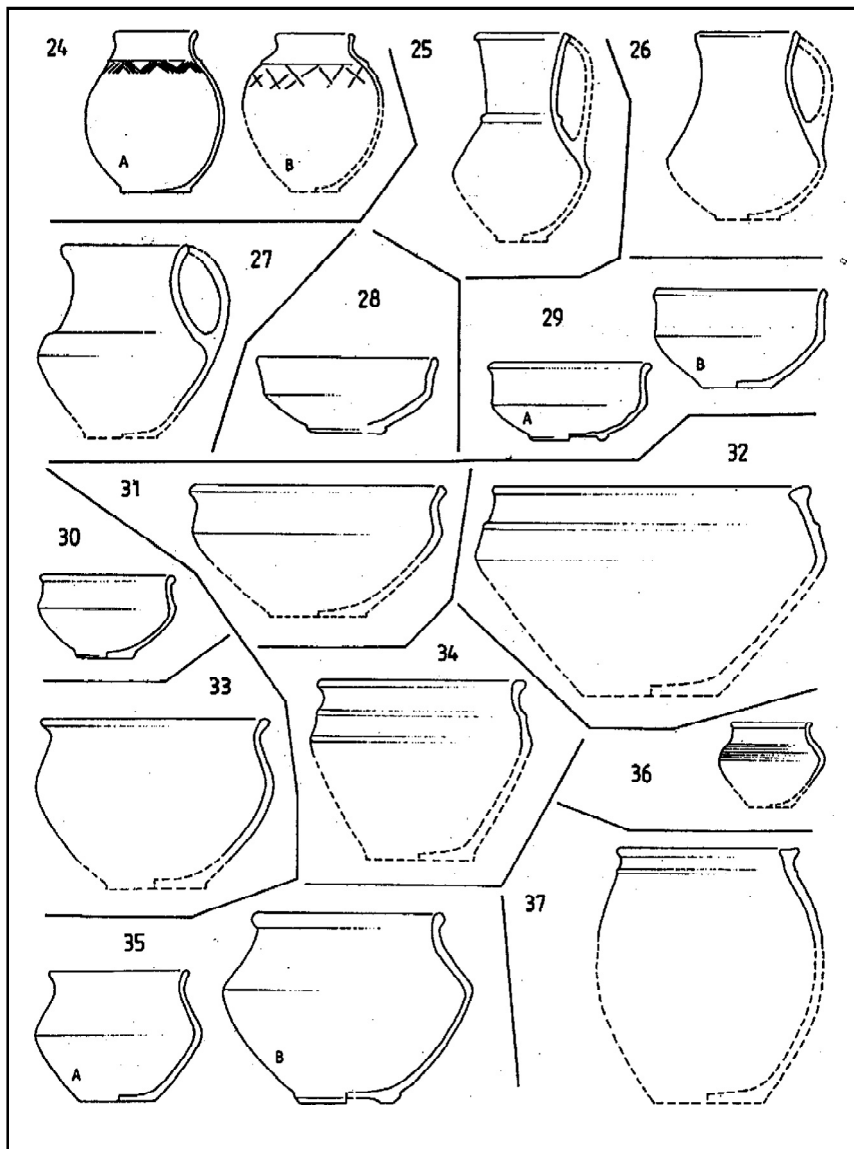

Табл. 7. Типы столовой гончарной керамики (№№ 24-27) и шероховатой гончарной керамики (№№ 28-37)

чество форм очень небольшое: в основном горшки средних размеров, реже — более мелкие сосуды, такие как кубки, черпаки и миски. Немногочисленную группу представляют сосуды, служащие для хранения запасов.

Вторая группа — столовая посуда, к ней следует отнести тонкостенные сосуды с хорошо лощеной поверхностью, чаще всего черного цвета, из глины с мелкозернистыми примесями. Орнаментация очень богатая и разнообразная, наблюдается большая разнородность форм. Прежде всего это невысокие мисковидные сосуды, различного рода чаши. Позднее этот вид посуды заменяется гончарной керамикой.

Хроповатая керамика существует на всем протяжении пшеворской культуры и выступает в большей степени на поселениях. Замечено, что гладкая керамика встречена в большом количестве на могильниках, особенно, в позднее предримское и раннеримское время.

В начале фазы В2 в ареале пшеворской

культуры происходят какие-то серьезные изменения, что отражает и керамический материал (PZP 1981: 60). Характерны очень аккуратно выполненные вазовидные лепные сосуды с острым, либо округлым ребром, с одним или тремя ушками. Исчезают ранние формы сосудов с пузатым или округлым туловом, очень часто выступают чаши с гладкой либо хроповатой поверхностью, распространяются миски с округлым дном. Особенно характерными в этот период становятся эсовидные и яйцевидные горшки. Кроме меандра, выступающего уже в стадии В1 встречается орнамент в виде косых штрихов, ямок и пунктирных черточек. Во время В2 и ранней фазы В2-С1, а также фазы С1 керамические формы подвергались лишь постепенным и небольшим переменам. В ранней фазе позднеримского времени реже стали простые вазовидные сосуды, самой характерной формой становятся вазы с ушками, на высокой ножке. Среди чаш стали выступать многочислен-

ные формы с высокими пустыми ножками (тип 49, 50, 53 по Г. Добжанской). Продолжают существовать миски с округлым дном. Исчезают кубки с краем, загнутым внутрь, появляются кубки с острым ребром и выгнутым наружу венчиком. Яйцевидные горшки уже являются в этой фазе пережитком, большое распространение продолжают получать эсовидные формы сосудов, причем ранние формы низкие и с сильно выпуклым туловом, поздние очень высокие. Появляются в позднеримском периоде широкие хрупчатые горшки с биконическим либо округлым туловом. Орнамент не отличается от орнамента раннего времени, очень редко выступает меандр. В фазе В2-С1 и С1 появляется в большом количестве провинциально-римская керамика. Это прежде всего terra sigillata из среднегалльских (Lezoux) и рейнских (Rheinzabern, Westendorf, Trewier) мастерских. Это связано с наплывом этой продукции после маркоманнских войн (PZP 1981: 65). В отношении времени появления гончарства в этой культуре идут оживленные дискуссии. Большое значение для этой

темы имеет работа Л.Гаевского, который установил на основе предметов, находящихся в печах гончарных центров в Иголомии, относительную и абсолютную хронологию этих печей (Gajewski 1959: 137-149). «Серая» керамика производилась в этом центре, по его мнению, начиная с 200 г.н.э. К. Годловский подверг критике хронологию отдельных вещей и показал, что эта дата может колебаться и очень вероятно, что печи начали функционировать не ранее середины и даже начала второй половины III столетия (Godłowski 1978: 178). К. Годловский в работе, посвященной памятникам пшеворской культуры верхней Силезии, перечисляет ряд памятников, где гончарная керамика выступает рядом предметов, характеризующих раннюю стадию позднеримского времени: фибула с высоким держателем и верхней тетивой VII группы Альмгрена — Spicymierz, Biutyj; умбон с тупым шипом — Babiц; гребень типа А и В, керамика, украшенная меандром. Также раннюю дату дает terra sigillata. Она датируется второй половиной II в.н.э. и первой четвертью третьего

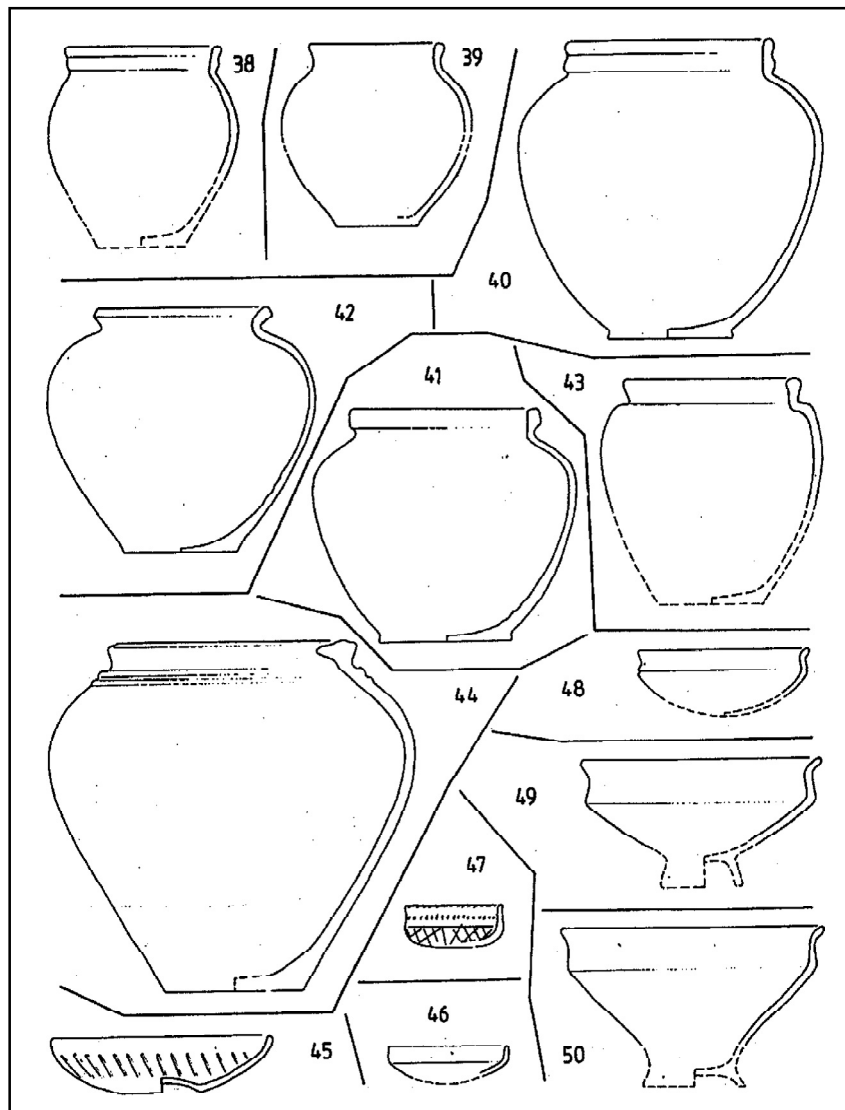
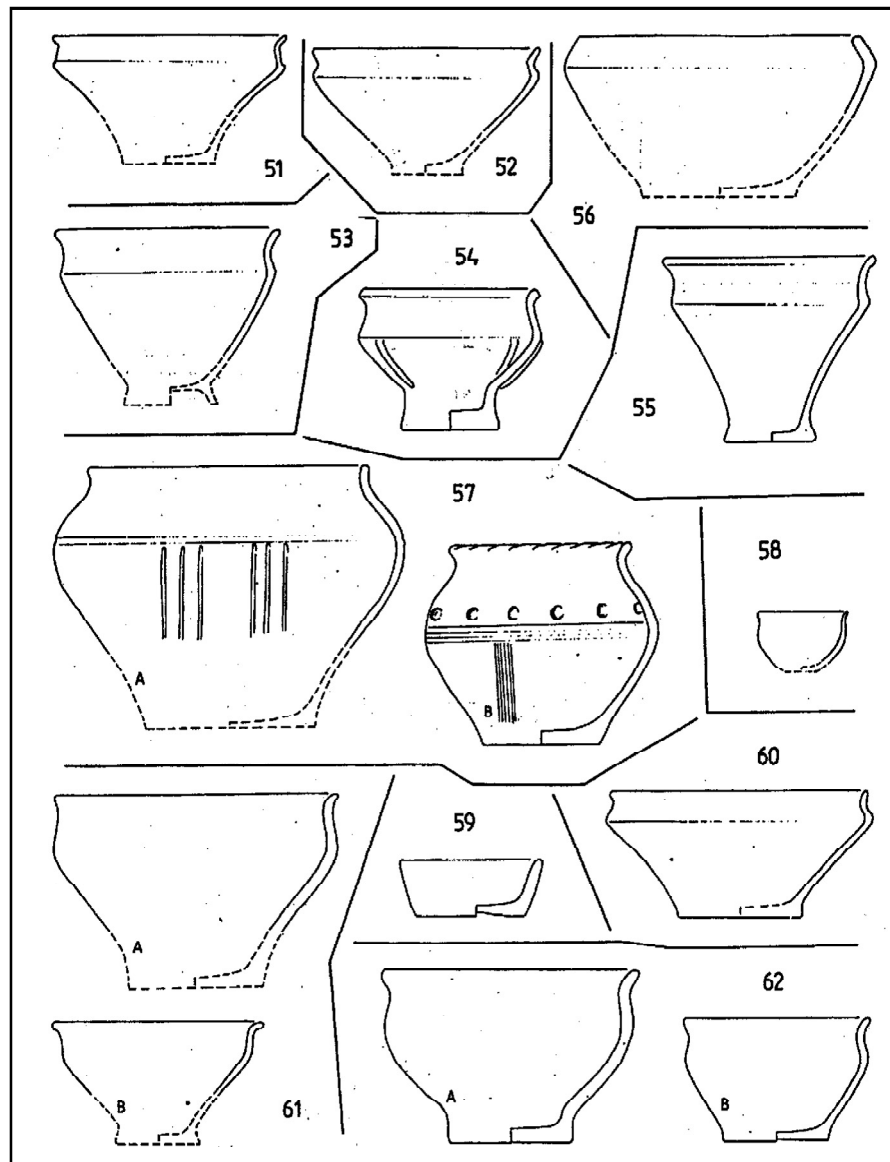

Табл. 8. Типы шероховатой гончарной керамики (№№ 38-44) и столовой лепной керамики (№№ 45-50)

Табл. 9. Типы столовой лепной керамики (№№ 51-58) и шероховатой лепной керамики (№№ 59-62).

века нашей эры, тем не менее К.Годловский говорит о гончарстве в пшеворской культуре лишь со стадии С1В и даже начала С2. Он пишет, что вероятно, массовое выступание гончарной керамики в пшеворской культуре приходится только на середину III в.н.э. (Godłowski 1978: 179). Нам кажется необходимым объяснить и появление гончарной керамики в конце II — начале III в.н.э., ибо это не единичные комплексы в пшеворской культуре, тем более что на памятниках Звенигород-Болотное мы наблюдаем гончарную пшеворскую керамику еще в более раннее время в фазе В1b (Wołagiewicz 1970: 221).

Это явление можно объяснить влиянием липицкой культуры и позднедакийских культур, а также близостью римских провинций Паннонии и Норика, откуда могла проникать провинциально-римская посуда в верхнюю Силезию. Гончарная керамика постепенно в III веке вытесняет лепную тонкостенную и богато украшен-

ную керамику, главным образом керамику чернолощеную, но в периоде С1В и С2 еще часто выступают лепные чаши и вазовидные сосуды на высоких пустых ножках (типы 49, 50, 53 по Г. Добжанской). Уже не встречаются совсем миски с округлым дном. Появляются в большом количестве миски с гладкой либо хрупчатой поверхностью, с прямым дном и биконическим туловом, что является влиянием форм гончарного производства. К концу позднеримского времени лепная керамика составляет очень небольшой процент, полностью исчезает в материалах поселений рядом с гончарными центрами. Орнамент очень небогатый: 1. украшения в виде пластических шишечек, наделов, выступов, валиков, изредка нерегулярные вертикальные, либо зигзагообразные линии. В гончарной керамике (гладкой, без примесей) очень многочисленную категорию составляют мисковидные сосуды и более глубокие открытые, различной

величины чаши. Очень многочисленны стройные сосуды с биконическим туловом, а также представлены различные виды кубков, богато украшенных орнаментом. Орнаментация гончарных сосудов очень богатая и показывает в пшеворской культуре очень большие различия: на сосудах с гладкой поверхностью очень богатая и на сосудах с шероховатой или плохо выглаженной поверхностью очень бедная или полностью отсутствует. Большое распространение в керамике с гладкой поверхностью получают такие виды орнаментации как пластические валики, которые расположены в верхней части сосуда (тип 4, 13, 20, 21), конические налепы, часто псевдоушки, а также выступает орнамент в виде косых, вертикальных и зигзагообразных линий.

Сосуды с хрупкой, либо плохо выглаженной поверхностью представляют самую многочисленную группу керамики пшеворской культуры, как среди лепной, так и среди гончарной.

Шероховатая гончарная керамика производилась во многих гончарных центрах, в Иголомии она составляет около 80%, но тем не менее эта керамика не вытеснила лепную. В верхнем Поднепровье прослеживается несколько иная картина в керамическом материале, что позволило выделить ее в отдельный локальный вариант. В этом регионе пшеворская культура появляется уже в середине I в.н.э. (Козак 1983: 77). В более раннее время пшеворские памятники исследуемой территории проходят в своем развитии те же изменения, что и на территории Польши, но наблюдается ряд черт, свидетельствующих об ином направлении ее развития по сравнению с западными регионами (погребальный обряд, керамика, жилищное строительство) (Козак 1978: 83). В этом варианте пшеворской культуры не получили развития формы горшков с загнутым внутрь краем, большие горшки с прямым или сильно отогнутым венчиком, отсутствуют широко открытые сосуды мисковидной фор-

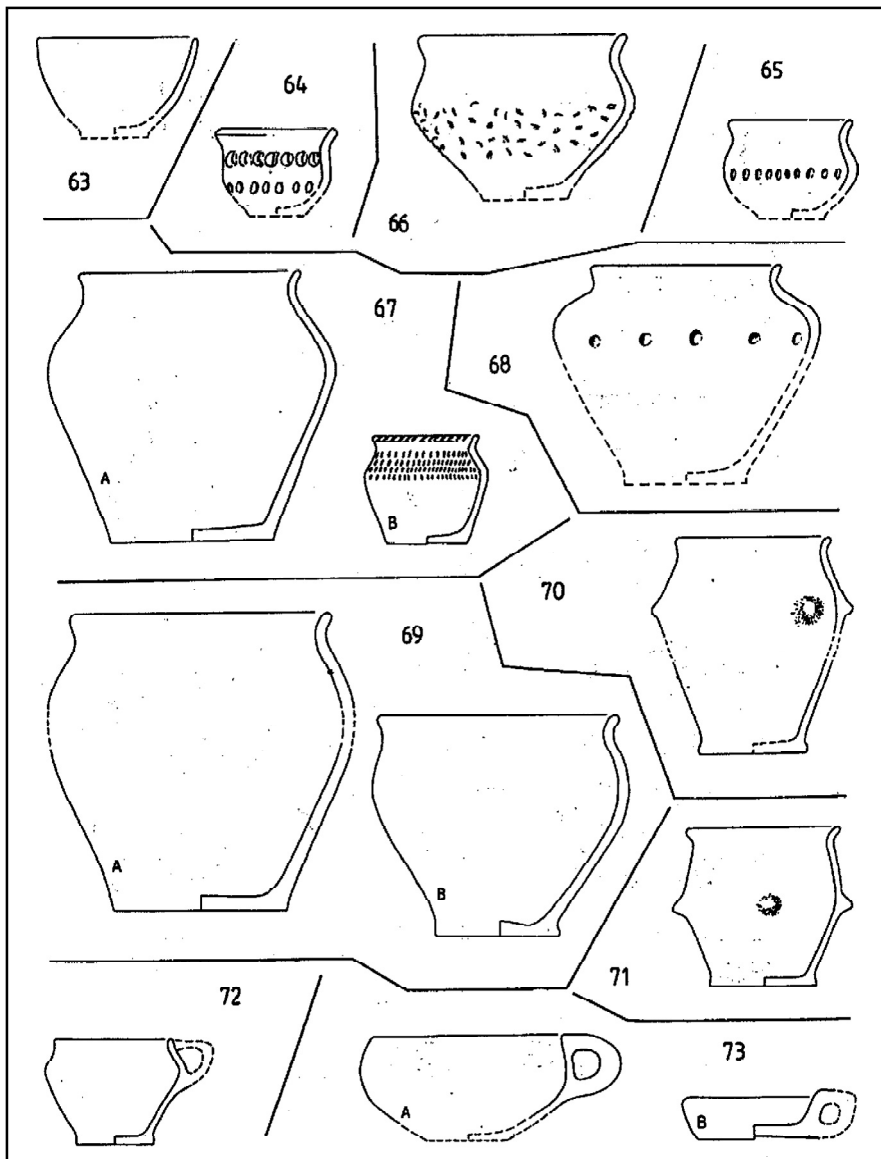
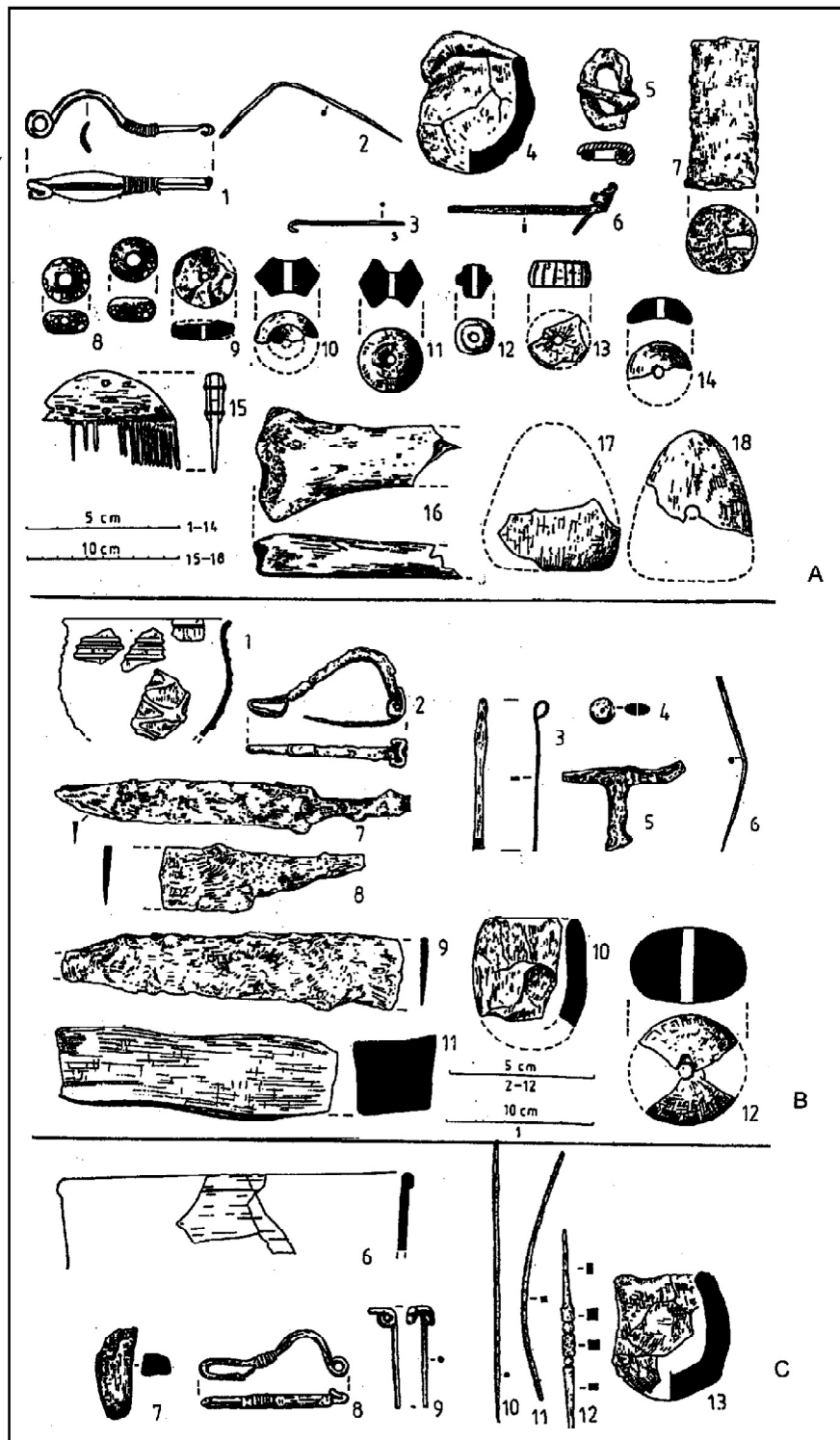

Табл. 10. Типы шероховатой лепной керамики (№№63-73).

Табл. 11. Комплексы находок из Иголомии, дающие дату производства гончарной керамики (объекты 70а/55-А; 70/55-В; 40/53-С; Dobrzańska 1990: tabl. XXII, XXVIII, XLII).

мы, представленные в этой культуре в римское время. Для этого региона более характерны сосуды вытянутых пропорций со слегка отогнутым венчиком, слабо профилированные сосуды, а также формы, связанные с влиянием липицкой и частично зарубинецкой культур (пластический орнамент, характерный для липицкой культуры, пальцевые вдавления, шпешечки и т.д.) (Козак 1978: 88).

Подведем некоторые итоги:

1. В керамическом материале пшеворской культуры в течение позднеимского периода замечен ряд серьезных изменений, что связано как с внутренним развитием керамического производства (самостоятельное развитие: появление новых форм — исчезновение старых), так и с внешними причинами (влияние других культур: появление новых форм — исчезновение старых).

2. Орнаментация лепной столовой керамики очень богатая. Ряд орнаментов имеет хронологическое значение. Весь орнамент — прорезной, налепной орнамент появляется на стадии С2 и является следствием влияния гето-дакийских культур. Отдельные случаи появления налепного орнамента в пшеворской культуре в районе Поднестровья связаны с влиянием липицкой культуры.

3. В ранней фазе позднеримского времени появляется гончарная керамика, что вероятно связано прежде всего с влиянием позднедакийских культур и частично гончарных мастерских в провинциях Паннонии и Норике, откуда могли позднее придти мастера в Иголомию и Тропишово. Массовое появление гончарной керамики наряду с функционированием гончарных центров можно отнести ко времени не ранее середины-второй половины III в.н.э. (табл.11).

4. С гончарной керамикой появляются новые виды орнаментации (налепные валики, шпечки и ушки).

5. Гончарная керамика не вытесняет лепную тонкостенную и богато украшенную керамику на раннем этапе пшеворской культуры, это зафиксировано лишь в период развитого гончарства (С2,С3,Д). Лепные сосуды с хрупчатой, либо плохо выглаженной поверхностью представляют и в позднеримское время самую многочисленную категорию керамики.

6. Верхнеднестровский вариант пшеворской культуры отличает иное направление развития керамического производства, главным образом, в типах горшков, мисок, вазовидных сосудов.

7. Мисок в нашем понимании ($H/D < 0,5$) в пшеворской культуре до появления гончарного производства нет, есть лишь чаши и вазовидные сосуды. Миски даже в гончарной посуде пшеворской культуры составляют малочисленную категорию.

2.3. Липицкая культура

Остановимся кратко на хронологии липицкой культуры. Липицкая культура возникла в верхнем Поднестровье в I половине I в.н.э. (сильно профилированные фибулы из Колоколина, Звенигорода с тремя отверстиями в держателе иглы) и оканчивает свое развитие в конце II в.н.э. Мы не стали бы касаться анализа этой культуры, если бы рядом авторов не была предложена более поздняя датировка гибели культуры началом III в.н.э.

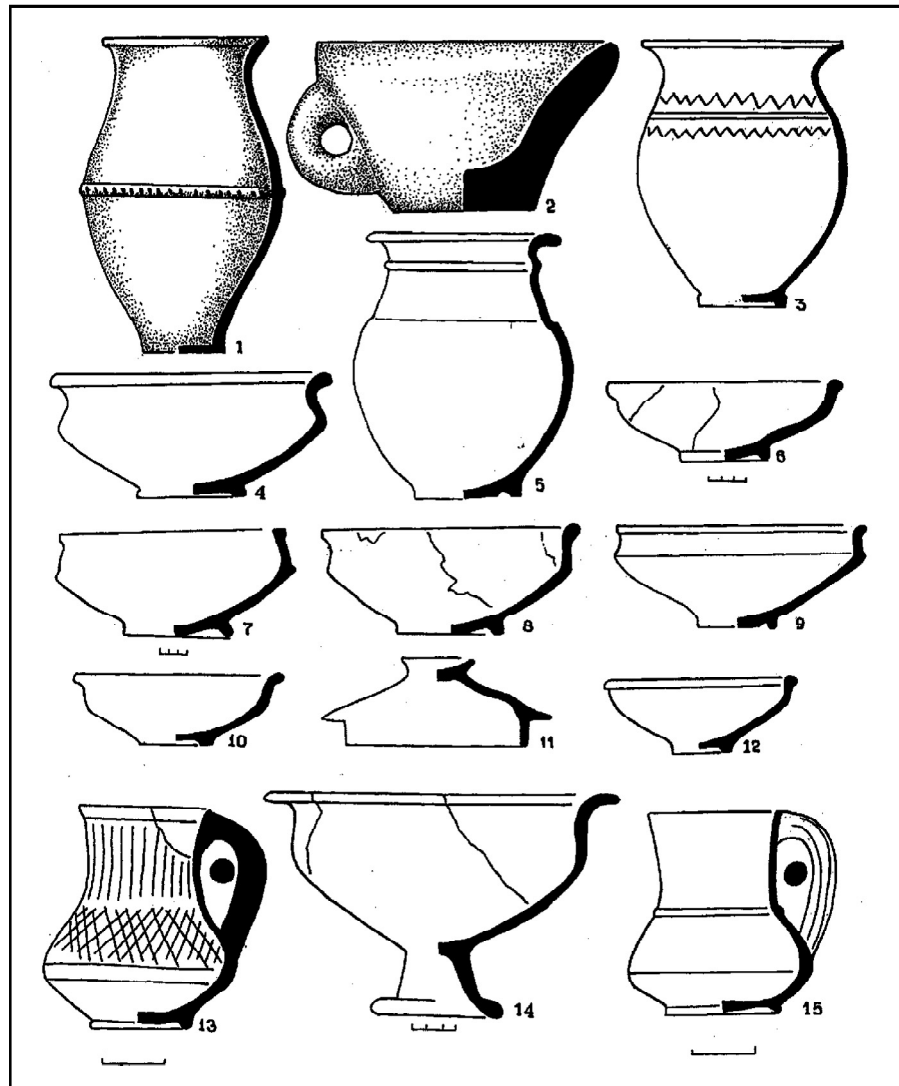
В.М.Цигилик выделяет такие поздние датирующие предметы, как железные шпоры с асимметричной и ребристой дужкой, с небольшим крючком под шипом, и узкогорлые амфоры с асимметрично профилированными ручками (Цигилик 1975: 148). Узкогорлые амфоры с асимметрично профилированными ручками датируются концом II — началом III в.н.э., шпоры из верхней Липицы и Ремезивцев несколько отли-

чаются друг от друга и относятся соответственно к VII и VI группам К.Годловского, которые датируются концом II в.н.э. — первой половиной III в.н.э. (Godłowski 1970: Fig.2). По крайней мере пока нет данных для того, чтобы датировать липицкую культуру даже самым началом III в.н.э., ибо нет комплексов, в которых выступали бы предметы, живущие только в III в.н.э. и не заходящие во II в.н.э. Как мы видим, хронологическая позиция этих памятников не позволяет нам выводить культурные импульсы из этого региона. Это влияние липицкой культуры могло быть скорее только опосредованным через соседние культуры, ее пережившие.

2.4. Культура Поянешты-Вуртешкой (табл. 12)

Эта культура названа по двум крупным могильникам. Район распространения этой культуры охватывает территорию от Карпат до нижнего и среднего течения Прута. Главным образом памятники концентрируются по Пруту и его притокам. Датировка этой культуры основана прежде всего на исторических источниках и на монетных находках на ряде поселений и могильников. Нижняя дата — 107 г.н.э. — определяется по находкам монет императора Траяна и историческим данным об образовании римской провинции Дакия; верхняя дата относится к 318 г.н.э. и связана с походами в этот регион императора Константина I против карпов, получившего за свои подвиги титул *Caricus*. Именно в конце III в.н.э. (295-297) прекращается существование большинства могильников и поселений карпов, но в письменных источниках есть войны с карпами 302-303 гг., сражения в течение 306-311 и 313-318 гг. Карпов этого времени, как считает Г.Бикир, следует искать в поселениях и некрополях культуры *Sîntana de Mureş* (Bichir 1970: 153). Эта точка зрения подтверждается тем, что в зонах, не занятых этой культурой, нет четкой даты конца III — начала IV в.н.э. Следует также сказать, что ситуация с интерпретацией культуры Поянешты-Вуртешкой как культуры, принадлежащей карпам, основана, помимо совпадения с историческими данными, также на локализации карпов в этом районе Клавдием Птолемеем. И.Ионица критикует выделение культуры Поянешты-Вуртешкой и рассматривает всю территорию к востоку от провинции Дакия как единую культурную общность. Он пишет: «Во II-III в.н.э. территория карпов нам не ясна, так как нет определенности в вопросе, какая территория считалась принадлежащей карпам, а какая дакам» (Ioniță 1982: 76). Вероятно, такое сомнение достаточно обосновано, ибо в культуре Поянешты-Вуртешкой по археологическим материалам практически нельзя выделить каких-либо четких различий с соседними памятниками, относящимися к культуре свободных даков. Для удобства изложения рассмотрим

Табл. 12. Керамика культуры Поянешты-Выртешкой (Bichir 1973)

керамику этой культуры отдельно. Керамика культуры Поянешты-Выртешкой представлена как лепной, так и гончарной посудой. Лепная керамика представлена на поселениях до 40%, на некрополях ее процент меньше. Лепная керамика сделана из грубой глины, которая содержит много добавок, в виде крупнозернистых примесей диаметром до 6 мм. Цвет серо-желтоватый. Основные формы — дакийская чашка (табл. 12-2) и горшки банковидной формы, редко выступают биконические сосуды. Орнамент на чашках в виде лепных ячеистых поясков, чаще всего по линии дна или края. Горшки баночной формы украшаются различно по целому ряду вариантов, выделенных Г.Бикиром. Основной тип орнамента — ячеистые пояски, главным образом, горизонтальные (табл. 12-1), но встречаются вертикальные, смешанные, полукруглые и т.д. Орнамент лепной керамики показывает явное развитие элементов латенского и гето-дакийского круга.

Гончарная керамика имеет иные соотношения: на поселении она представлена в количе-

стве около 60%, в могильниках иногда достигает 90% (Поянешты). Керамика сделана из хорошо отмученной глины, практически не содержащей примесей. Сосуды имеют серую либо красноватую поверхность. Замечено, что открытых сероглиняных сосудов на памятниках представлено гораздо больше, чем закрытых (85% и 15%). Красноглиняная посуда имеет обратную пропорцию. Гончарная керамика этой культуры разделяется в пропорции: 75% сероглиняной и 25% красноглиняной. В целом вся керамика делится на сосуды с ручками и без ручек, причем, сосуды без ручек прежде всего представлены сосудами-урнами, миски представлены чаще всего на некрополях. Типология мисок разработана Г.Бикиром по целому ряду памятников, но прежде всего по могильнику Пояна-Дулцешты, который был заложен в начале II в.н.э. Г.Бикиром выделено 10 типов мисок (табл. 12, 4,6-9). Фруктерии как категория посуды являются одной из самых многочисленных в керамическом инвентаре в культуре Поянешты-Выртешкой (табл. 12-14). Это вазы на высокой нож-

ке, украшенные по горизонтально отогнутому венчику лощеным орнаментом в виде косых линий, зигзагов и волн.

Хотелось бы в заключение остановиться на кувшинах, которые являются также многочисленной категорией гончарной керамики этой культуры. Общими для всех кувшинов являются их небольшие размеры (до 30 см), перегиб тулова в нижней части кувшина, четкое ребро, небольшое горло, чаще всего не отделенное резко от тулова. Ручки крепятся в большинстве случаев несколько ниже устья, орнаментация при помощи лощеных линий, беспорядочно нанесенных вертикальных и горизонтальных врезных линий и просто лощеных вертикальных линий (табл. 12-13, 15). Этот тип кувшинов очень напоминает черняховские и входит в 16 тип классификации Б.В.Магомедова (западно-украинский тип) (Магомедов 1973: рис. 1, 2). Анализ этой категории посуды на Пояна-Дулцешты позволил И. Ионице утверждать, что это поселение явля-

ется первым этапом проявления культуры Sîntana de Mureş (Ioniță 1982: 90). Г. Бикир в отношении традиции производства карпской керамики пишет, что карпы консервативно держались латенской и гето-дакийской традиции и предпочитали свою местную керамику провинциально-римской, хотя не исключает влияния римской цивилизации на происхождение отдельных типов посуды (Bichir 1970: 94).

2.5. Свободные даки

Как мы уже говорили выше, это деление на свободных и римских даков условно, но оно отделяет ряд памятников, не включенных в монографию Г.Бикира, и поэтому мы кратко остановимся на этих памятниках, которые рассмотрел И.Ионица в своей работе, посвященной свободным дакам. Ранний этап развития керамического производства (106-275 гг. н. э.) затронут автором очень кратко. Все материалы, исполь-

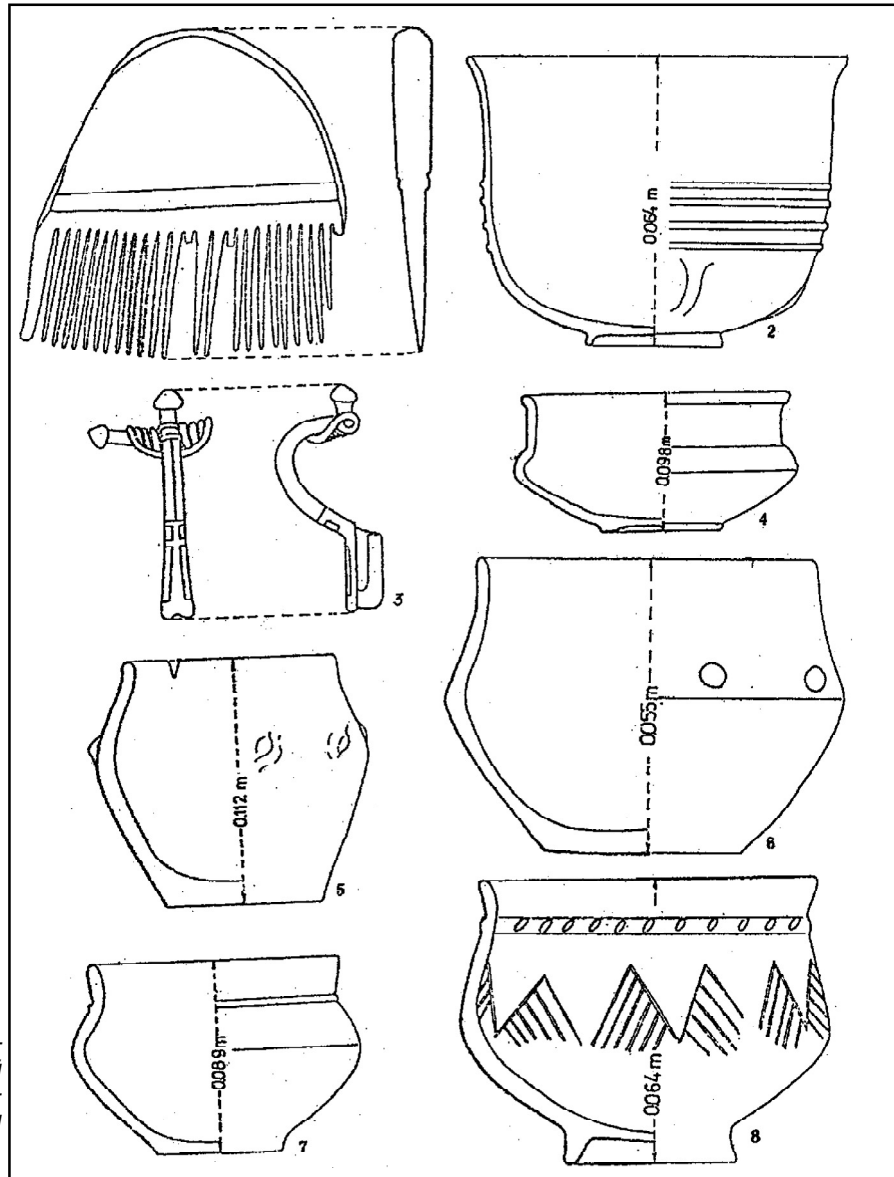
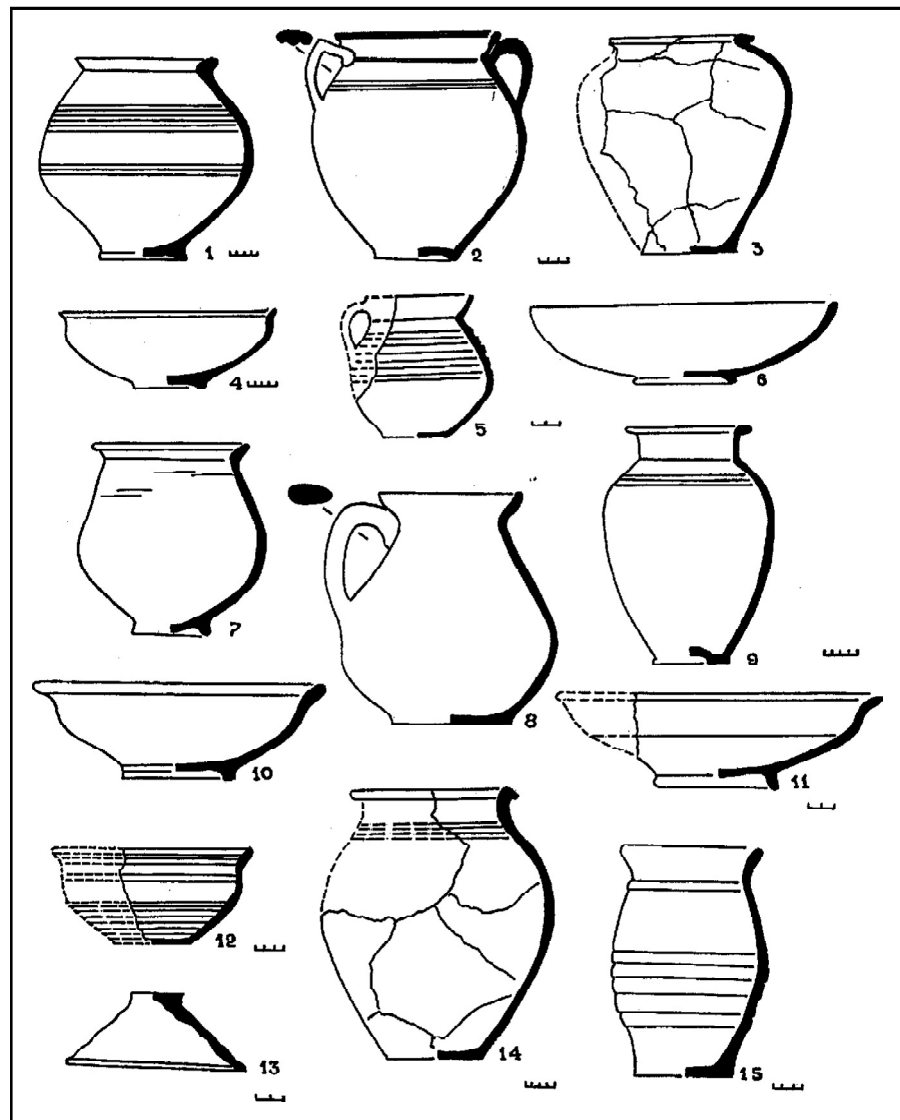

Табл. 13. Комплексы погребений 3 и 4 из могильника Тодирени (Ioniță 1982: Fig. 27-31)

Табл. 14. Керамика из могильника Локуштени (Popilian 1980).

званные им для описания керамики этого периода, он берет из работ Г.Бикира, посвященных карпам, и работ В.М.Циглика, посвященных липицкой культуре (Ioniță 1982: 61), ибо в этот период какого-либо своеобразия в дакийском регионе еще не наблюдается. Мы не будем касаться основных форм посуды этого периода, так как можно обратиться к предыдущим главам. Для понимания процесса развития керамических форм сосудов нас интересует второй период И.Ионицы (275-376 г.). В этой главе затрагивается проблема появления готв на территории между Прутом и Карпатами. В более ранней работе И.Ионица выделяет три категории некрополей, в которых заметно проникновение готских элементов:

1. Некрополи с кремацией в Bîrlad-Prodana (Vaslui) содержат карпскую керамику и вещи, характерные для раннеготского периода. Могильник может быть оставлен местным населением, подверженным влиянию некоторых новых обычаев.

2. Некрополи с кремацией в Cozii содержат

керамику германского типа и предметы, определенно принадлежащие германской группе, недавно прибывшей в эту зону и не подвергшейся влиянию культуры других популяций.

3. Некрополи с кремацией и ингумацией в Todireni, принадлежащие германской группе, но отличающиеся от Cozii. Германской группой в Todireni уже налажены тесные связи с местным населением.

Обратимся к хронологии этих памятников (Ioniță 1982: fig.27-31).

В некрополе Bîrlad-Prodana в погр.2 обнаружены две фибулы второго варианта А.К.Амброза (Альмгрен-162), подковообразная фибула с тонким ободком, круглым в сечении, с дисками на концах, и гончарный сероглиняный кувшин с двумя ручками и четко выделенным горлом. Подковообразная фибула датируется по типологическому ряду этих фибул, разработанных Х.Сальмо и Х.Моора самым ранним временем их появления. Х.Моора считал, что наиболее ранний тип подковообразных фибул происходит из Мазурии и Калининградской области. Они

датируются В2-С1, а также С1 (PZP 1981: 374-375). Фибулы с подвязной ножкой являются уже развитым вариантом этого типа фибул. Погребение, вероятно, нужно отнести к 60-70 гг. III в.н.э., хотя эта дата является не окончательной. Погребение в Cozii содержит бронзовую двухчастную пряжку типа «Д», наконечник стрелы, фибулы с подвязной ножкой I варианта. Пряжка этого типа датируется Р.Мадыдой начиная с раннего отрезка поздней фазы позднеимского времени (С2). Фибула с подвязной ножкой (Альмгрен-168) относится к первому варианту классификации А.К.Амброза и датируется 20-70 гг. III в.н.э. Наконечник стрелы подобного типа выступает в пшеворской культуре в фазе В2 и в ранней фазе позднеимского времени; как правило, они имеют незакрытую втулку (PZP 1981: Taf.XI-11). Итак, датировка этого могильника по вещам падает на рубеж 70 гг. III в.н.э. Здесь мы видим очень ярко выраженные готские элементы, а также очевидны дакийские элементы. Рассмотрим датировку погребений некрополя Todireni (табл. 13). Погребение 4 — в нем представлена одна датирующая вещь, фибула-«монструоза». Фибулы этого типа, широко известные в Скандинавии и на севере Европы, найдены на юге, в районе Днестра, уже в значительном количестве. Их появление исследователи связывают с проникновением в этот регион готов. Мы датировем их 70-80-гг. III в.н.э. (см.: Werner 1988; Шаров 1992). Погребение 3 содержит бронзовую рифленую ведерковидную подвеску, *Bügelknopffibel* и высокий одночастный гребень типа А по С.Томас (табл. 13-1,3). Бронзовые ведерки-подвески с рифленой поверхностью имеют широкое распространение и существуют от фазы В2 до Д. Более дробной хронологии их мы пока не знаем. Гребни типа А (по С.Томас 1960) распространены главным образом во II в.н.э., хотя есть их присутствие в ряде памятников до середины III в.н.э. Самые ранние *Bügelknopffibel* датируются также уже поздним отрезком периода С2 — началом С3. Они найдены в слое разрушений кастеллов Цугмантель и Зальцбург, и, вероятно, оставлены германцами в период после разрушений лимеса (Böhme 1972). Таким образом, дата погребения падает на время не ранее 70-80-х гг.н.э. Появление этих фибул в культуре свободных даков свидетельствует, как считает И.Ионица, о первых проявлениях культуры *Sîntana de Mureș*, и он относит все три памятника к рубежу III-IV в.н.э. (Ioniță 1982: 91). Таким образом, мы видим, что в раннее время на территории между Прутом и Карпатами появляется археологический материал, близкий к раннечерняховскому горизонту (тип фибул, типы керамики).

2.6. Римские даки (табл. 14)

Кратко коснемся материалов, которые относятся к местному населению, проживающе-

му в римской провинции Дакия. Остановимся на трех могильниках, раскопанных Попилианом: *Locusteni*, *Romula*, *Daneti* (Popilian 1976; 1980; 1982). Автором достаточно четко различается на этих материалах дакийская и римская керамика. Дакийская керамика ничем не отличается от описанной выше лепной посуды карпов и липицкой культуры, стоит лишь заметить, что очень часто на горшках выступает орнамент в виде однорядной и многорядной волны, наряду с другими украшениями. Римская керамика представлена только гончарной посудой. Эта посуда изготовлена из хорошо отмученной глины и бывает кирпичного и серого цвета. Посуда из отмученной глины кирпичного цвета представлена горшками с четко выделенным и сильно отогнутым венчиком. Попилиан выделяет два типа: с максимальным расширением в верхней части тулова и в нижней (табл. 14-1,3). Очень многочисленной является группа сосудов с двумя ручками, часто украшенных врезным орнаментом в виде волны, а также кувшины с горлом в виде раструба. Миски представлены двумя типами: биконические миски с вертикальной верхней частью тулова и легко отогнутым венчиком (табл. 14-4) и полусферические миски (табл. 14-6). На могильниках также представлены тарелки и кувшины. Керамика серого цвета представлена горшками тех же типов, но с более выделенной частью горла, сосудами с двумя ручками, кувшинами тех же типов, мисками I типа и крышками. Шероховатая керамика по типу сосудов несколько отлична от первой группы. Здесь представлены горшки с загнутым внутрь краем (урны), тюльпановидные сосуды, сосуды со срезанным венчиком, мисками только высокими, с прорезными линиями на тулове. Кувшины и сосуды с двумя ручками по И.Ионице, а также тарелки во второй группе римской керамики отсутствуют. Мы считаем, что граница между римской и дакийской керамикой очень условна, ряд типов керамики (сосуды с двумя ручками, кувшины, миски) возможно отнести к дакам, ибо эти же типы посуды представлены на территории карпов и свободных даков, где эти традиции, по мнению Г.Бикира, имели древние латенские и гето-дакийские корни (Bichir 1970: 91). Конечно, нельзя исключить римского влияния на эти типы посуды, ибо часть из них развивалась под сильным влиянием римских мастерских (амфоры, *terra sigillata*). Совершенно естественно то, что этот некогда достаточно общий массив, разделенный после образования римской провинции, сохранил многие прежние традиции.

2.7. Культура Карпатских курганов

Эта культура открыта сравнительно недавно. Началом ее исследования явилась монография М.Ю.Смишко (Смишко 1960). Эта культура

по последним работам украинских археологов датируется с конца II в.н.э. по V в.н.э. (Вакуленко 1977). Эта ранняя датировка явилась основой для того, чтобы рассмотреть керамический набор этой культуры специально. Исследования основных черт культуры карпатских курганов показали, что среди керамического материала существует целый ряд лепных и гончарных форм, аналогичных формам гето-дакийских культур. В этой культуре представлены как лепные, так и гончарные сосуды, причем в погребениях гончарная посуда представлена в отношении до 50%, на поселениях она составляет около 20%. Лепные сосуды представлены грубыми толстостенными горшками с шероховатой поверхностью, которые содержат крупные примеси, иногда нижняя часть этих сосудов обмазывалась глиной. Отдельные сосуды украшены пластическим орнаментом. Гончарная керамика разделяется на две группы:

I группа. Серого цвета с лощеной поверхностью.

II группа. Сосуды со значительной примесью из песка в тесте.

Формы самые разнообразные — миски, горшки, вазы, зерновики. Коснемся вопроса появления гончарства в этой культуре. В Нижнепрутском могильнике в ранних курганах, которые датируются концом II в.н.э. гончарной керамики не встречено (Вакуленко 1977: 64). Могильники, которые относятся к ранней фазе этой культуры, — Иза I и Иза II — также в ранних погребениях не имеют гончарной посуды. В обоих могильниках прослеживается в ранних погребениях лишь лепная посуда гето-дакийского облика. Дату появления гончарной керамики дают двучленные лучковые фибулы с подвижным приемником, которые Л.В.Вакуленко датирует концом II — началом III в., опираясь на западные аналоги, в то время как на нашей территории они существуют весь III век, и светлоглиняные узкогорлые амфоры, датирующиеся также очень широко. При помощи археомагнитного метода датировки был исследован вопрос функционирования гончарных горнов в Печенежине. Образцы показали середину III в.н.э. На наш взгляд, только в это время в культуре карпатских курганов, как и в целом ряде других культур Западной Европы, появляется гончарная керамика. Л.В.Вакуленко связывает появление этой культуры с отходом части гето-дакийского населения в конце II века под натиском пшеворской культуры за Днестр на территорию Прикарпатья (Вакуленко 1977: 74). Можно заметить удивительное сходство гончарной керамики этой культуры с керамикой ЧК. Это заметно прежде всего в такой категории, как миски.

Подведем некоторые итоги:

1. Гончарство в ряде дакийских культур известно с очень раннего времени, что связано со стойкими латенскими традициями.

2. Нельзя строго разделять этот гето-дакийский массив на отдельные культуры. Основа

этого массива прослеживается достаточно отчетливо во всех выделенных культурах; различия связаны лишь с локальными особенностями, что особенно заметно у римских и свободных даков.

3. Появление керамики из грубозернистой глины у ряда культур (римские даки) связано с влиянием римского гончарного производства. В этой технике начинают вырабатываться обычные дакийские формы (горшки, крышки). В ряде случаев идет подражание римским образцам. Сохранение сильных латенских традиций в этом регионе и дало ряд форм посуды, близким позднекельтским образцам (миски, горшки, чаши на высокой ножке).

4. Печи, обнаруженные в целом ряде мест, относятся к кельтскому типу (с перегородкой в нижней камере).

5. Орнамент на сосудах прежде всего пластический (валики, налпы, пальцевые вдавления). Врезной орнамент представлен очень редко. На керамике из хорошо отмученной глины с гладкой поверхностью часто применяются различные виды лощения.

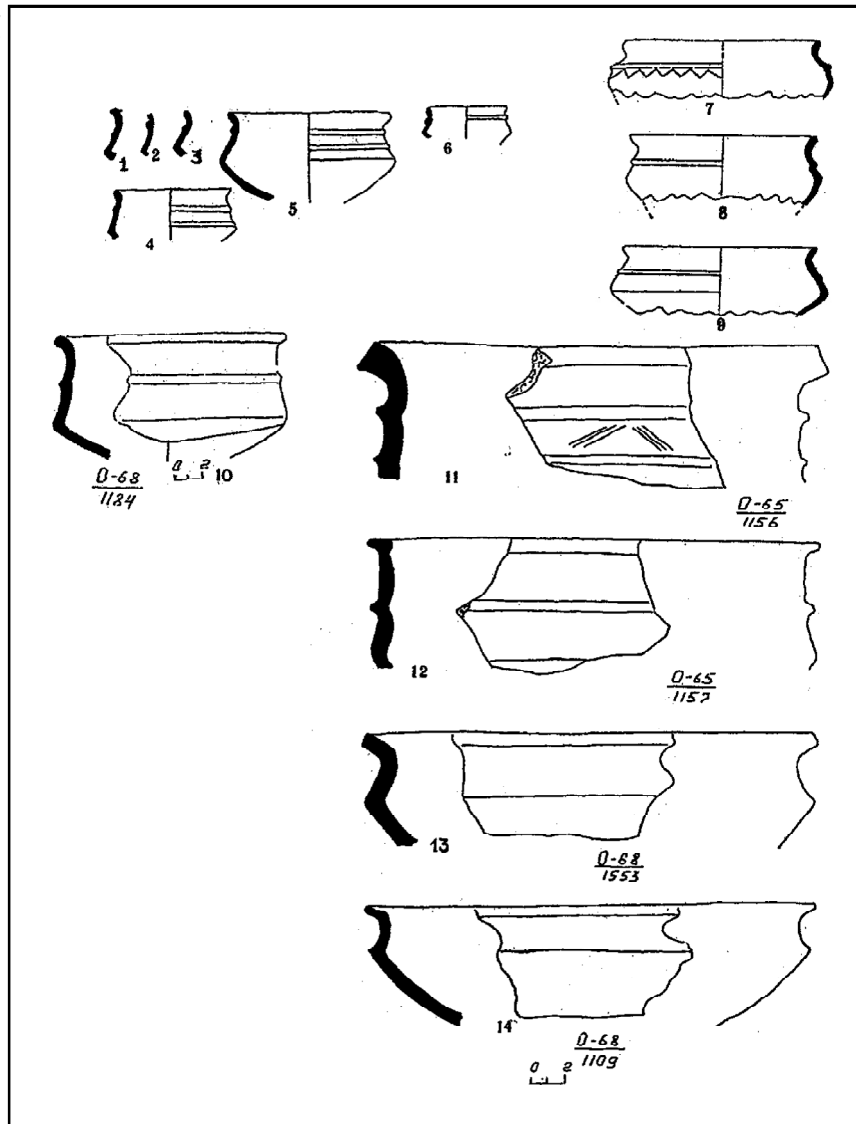
6. Первое проявление германских элементов наблюдается уже на рубеже 60-70-х гг. III в., причем на этих памятниках заметен симбиоз готских и местных элементов.

2.8. Северное Причерноморье

1. Тира и ее округа

Керамика Тире нами будет рассмотрена на основе работы А.В.Гудковой (Гудкова 1979). К сожалению, материал практически не расчленен. Это объясняется прежде всего сложностью стратиграфических наблюдений в культурном слое. Автор пишет: «Стратиграфическая неопределенность преобладающей части материала крайне ограничила хронологические построения, а его фрагментарность — типологические построения. Поэтому эта керамика датируется обобщенно II-IV в.н.э. Имеющаяся документация не позволяет расчленить стратиграфические материалы доготского и послеготского периода. Поэтому эволюцию сероглиняной керамики проследить не удастся, и приходится описывать ее лишь суммарно. А.В.Гудкова предложила классификацию, причем «классификация ввиду фрагментарного состояния построена только с учетом форм сосудов. Устойчивое сочетание определенного орнамента с конкретной формой сосуда не отражено» (Гудкова 1979). Мы не будем здесь касаться детальной классификации сероглиняной керамики Тире, а коснемся лишь выводов, которые сделала А.В.Гудкова, анализируя суммарно керамический материал. А.В.Гудкова пишет: «Анализ форм и отделки поверхностей сероглиняной керамики Тире II-IV вв.н.э. показывает, что она имеет много общего с керамикой черняховской культуры.

Табл. 15. Керамика Ольвии (№№ 10-14) и Козырского городища (№№ 1-9) (Бураков 1976).

Часть сосудов идентична черняховским. Но есть и отличие: округлые миски, лощеные и орнаментированные снаружи и внутри миски, повторяющие формы красноглиняной римской посуды, тарелки, для ЧК не характерны. Очень мало биконических форм. Орнамент, например, вертикальные или расходящиеся веером пучки, также не характерен для черняховской орнаментации. Анализируя керамический материал, представленный в классификации А.В.Гудковой, мы видим, что здесь выступают совершенно новые типы посуды — сосуды с валиками и маленькие сосуды с валиками, что существенно отличает эту керамику от керамики рассмотренных выше культур. Целый ряд тирских сероглиняных мисок очень близок мискам культуры Пояншты-Вуртешкой, как по форме, так и по характеру орнаментации и обработки поверхности (лощение внутренней поверхности сосуда). К сожалению, мы не можем использовать этот материал ввиду его хронологической нерасчлененности. Для выяснения времени появления различных форм сероглиняной посуды суще-

ственную роль может сыграть изучение керамического материала округа Тирры. Нами будет рассмотрен археологический комплекс римского времени Молога II, состоящий из поселения и могильника. Он находится в 15 км к северу от Тирры. В могильнике вскрыто 4 склепа и 6 ям. Обратимся к анализу керамики. Она состоит из 4 групп сосудов: амфор, гончарных краснолаковых и красноглиняных изделий, гончарной сероглиняной и лепной посуды. Количественное соотношение следующее: амфоры — 66%, краснолаковая и красноглиняная керамика — 3%, сероглиняная — 12%, лепная — 19%. Остановимся на сероглиняной керамике. Прежде всего мы можем заметить, что здесь также представлены миски с валиком на тулове, а также миски с вертикальной частью тулова и четким ребром. Этой категории керамического материала в Мологе II очень мало. Этот памятник датируется только II в., узкая дата подкрепляется, по мнению авторов, находками денария Антонина Пия (138-161 г.н.э.) и дупондия Коммода (180-192). Мы знаем, что монеты II века встре-

чаются в III и IV веках и не являются показателем только II века, если нет других археологических данных. Вероятнее всего, городище погибло вместе с Тирой, отсюда и наличие этих типов посуды.

2. Ольвия и ее округа (табл. 15)

Ольвия привлекает особое внимание, так как на ее материалы ссылается Б.В. Магомедов при изучении вопроса происхождения форм гончарной керамики ЧК; М.А. Тиханова также выводит лепесовских гончаров из Ольвии. Но тем не менее до последнего времени, до появления работ А.В. Гудковой, В.В. Крапивиной (1988; 1990) и В.В. Крапивиной (1995) было трудно сказать что-либо определенное про керамический материал Ольвии первых веков н.э. Материал римского времени был суммарно опубликован, большей частью отсутствовал иллюстративный материал, давалось лишь описание раскопок и самое обобщенное описание керамики, по которому судить о формах и технологии изготовления не представлялось возможным. До недавнего времени существовала лишь работа Р.И. Ветштейн в фондах Киевского Института археологии, из которой опубликованы лишь небольшие куски (Ветштейн 1955). Исследовательница, отмечая большое сходство с черняховской керамикой в ряде форм, указывает и на серьезные отличия в облике, форме, отделке деталей и в орнаментации. Изучение керамического производства в Ольвии показало наличие особенно тесной связи с Тирой, керамика которой почти не отличается от ольвийской керами-

ческой продукции. Благодаря любезности киевских коллег еще в 1983 году мы просмотрели материалы в фондах ИА АН УССР, где находились материалы раскопок Ольвии Р.И. Ветштейн и обнаружили в «доготских комплексах» сосуды с валиками, которые происходят из римской цитадели (0-68/1184, 0-65/1156, 0-65/1157) (табл. 15-11, 12). Также в этих слоях при просмотре коллекций из раскопок римской цитадели мы обнаружили два фрагмента биконических открытых мисок с оттянутым ребром (0-68/1553; 0-68/1109), что вероятно, является наследием изготовления terra sigillata (табл. 15-13, 14).

Обратимся к округе Ольвии и рассмотрим материалы Козырского городища. Это городище переживает два периода, конец I в.н.э. — середина II в.н.э. — гетские походы, затем оно вновь оживает и функционирует до середины III в.н.э. и прекращает свое существование вместе с Ольвией, после готских походов. Сероглиняная гончарная керамика представлена на Козырском городище в большом количестве. Большинство форм имеет чисто античное происхождение, но здесь на втором периоде жизни этого городища появляется новая керамика — это сосуды с валиком. Но попала ли эта керамика еще до готского разгрома или в момент разгрома, определить трудно, так как слой датируется суммарно — первой половиной III в.н.э. Так как такая керамика, найденная в Ольвии в римской цитадели (Гудкова, Крапивина 1990: 5), и на Козырском городище очень малочисленна, мы более склонны считать ее чуждым элементом в античных городах Северного Причерноморья (см. раздел 1 статьи).

3. О происхождении отдельных типов керамики раннего горизонта ЧК. Западный вариант.

На следующем этапе исследования рассмотрим происхождение выделенных ведущих типов керамики раннего горизонта ЧК (см: Шаров 1992; Sarov 1995; Sharov 1999). В раннечерняховском горизонте могильников Косаново, Ружичанки, Данчен, Чернелив Русский представлены главным образом два ведущих типа, относящихся к категории высоких мисок и кубков. Следует объяснить, почему мы исследуем лишь два типа из всего раннего горизонта. Нами взяты для анализа только те типы, которые появляются на раннем этапе функционирования всех четырех могильников, безотносительно, в лепной или гончарной технике они сделаны. Это высокие закрытые миски II рода типа 14 и кубки II рода типа 25 нашей классификации, которые появляются на самом раннем этапе в С1b и с вариациями существуют и в более позднее время (табл. 16). Вторым ведущим типом являются высокие закрытые миски III рода типов 15, 16, 18 и кубки переходного II/III и III рода типов 26, 28 нашей классификации. Они представлены на всех трех могильниках, причем на Ружичанке

этот тип датируется суммарно С1b, а в Косанове и Данчанах — только начиная с периода С2 (табл. 16). Эти формы объединены нами в серии.

Под серией мы понимаем совокупность сосудов, выделенных нами по ряду признаков одного хронологического пласта, безотносительно к их культурной атрибуции. Применительно к нашей проблеме это не только классы, типы черняховской посуды, а вообще типы и классы посуды на территории всей Европы, существовавшие одновременно, объединенные нами по признакам (например, «трехчастность» сосуда). Таким образом, идет сравнение не единиц классификаций керамики различных культур, а рассматриваются связи и соотношения внутри одной серии. Это различие в подходе побудило нас обратиться к иному наименованию организации материала.

Серия 1. Сосуды с выделенной шейкой (трехчастные). Ведущим признаком для выделения этой серии является четкое отделение шейки от тулова и венчика (ХИ-40 по хронологии: Шаров 1992). В подгруппу А входят высо-

Категории	Миски (М) $H: D_2 \leq 0,5$				Высокие миски (В) $H: D_2 > 0,5$				Горшки (Г) $H: D_2 \geq 1$				Кубки (К) $H: D_2 \approx 1$			
	Открытые $D_1: D_2 \geq 1$		Закрытые $D_1: D_2 < 1$		Открытые		Закрытые с валиками и трёхчастные		Открытые		Закрытые		Открытые		Закрытые	
Род	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	
А	$D_2=0$			D_2			$D_2=0$ $H_1: H_2 < 1$									
	$\angle \alpha < 90^\circ$	1	2	2	2	2	$H_1: H_2 \leq 0,5$									
Б	$D_2=0$			D_2			D_2 $H_1: H_2 = 1$									
	$\angle \alpha < 90^\circ$	2	2	2	2	2	$\angle \alpha = 90^\circ$									
В	D_2			D_2			D_2 $H_1: H_2 > 1$									
	$\angle \alpha \rightarrow 90^\circ$	2	2	2	2	2	$\angle \beta \geq 90^\circ$									
Г	D_2						D_2									
	$\angle \alpha = 90^\circ$	2	2	2	2	2	$H_1: H_2 = 1$									
Д	D_2						D_2 $H_1: H_2 \rightarrow 1$									
	$\angle \alpha = 90^\circ$	2А														

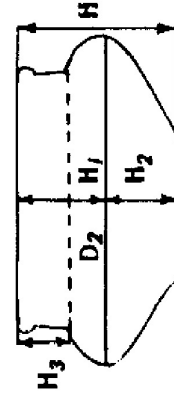
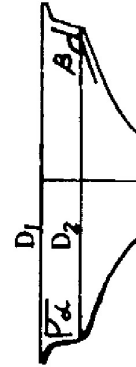

Табл. 16. Классификация керамики раннего горизонта черняховской культуры (Шаров 1992: табл. 1)

Класс Род	М и с к и		В ы с о к и е м и с к и		Г о р ш к и		К у б к и	
	О м к р ы т ы е	З а к р ы т ы е	О м к р ы т ы е	З а к р ы т ы е	З а к р ы т ы е	О м к р ы т ы е	О м к р ы т ы е	З а к р ы т ы е
I Без валиков								
II Трехчастные сосуды								
III С валиками								

Табл. 16 (продолжение).

кие миски и Schaleurnen

Подгруппа Б объединяет маленькие сосуды или кубки.

Серия II. Сосуды с валиками. Наличие валика является ведущим признаком для выделения серии. Здесь представлены как Schaleurnen, так и высокие миски, которые мы объединяем **в подгруппу А**. (ХИ-31 по хронологии: Шаров 1992).

Подгруппа Б объединяет маленькие сосуды с валиком или кубки. Количество валиков может быть различно (1-3), так же как и их положение на тулове сосуда. В черняховской керамике положение валика обычно на верхней части тулова, предпочтительно на верхней трети.

I серия

Дакийская культура (Ioniță 1980) и культура Карпов (Bichir 1973)

Обе культуры не имеют керамики первой серии в рассматриваемое время. Исключением для этого региона является комплекс погр.3 мог. Тодирени (Ioniță 1982) (табл.13-4). В этом погребении присутствует гончарный сосуд первой серии вместе с бронзовой рифленой ведерковидной подвеской, Bügelkerpfibel и одночастным гребнем типа А с высокой крутой спинкой. Дата этого погребения, по нашему мнению, — С2/С3 (см. раздел 2 настоящей статьи).

Так как в комплексах дакийской культуры этот сосуд единственный, то мы можем сказать, что эта керамика — чуждый элемент в дакийских и римских культурах Юго-Запада до появления Черняховской культуры на территории Румынии, и, вероятно, погребение в Тодирени отражает проникновение германских элементов в этот регион (Ioniță 1982).

Вельбаркская культура (ВК) (таб. 1)

В ВК такие сосуды относятся к 6, 17 и 18 группам классификации Р.Шиндлера (Schindler 1940). Автор датировал форму Д VI группы серединой IV в. Но комплекс из погр. 208 Вилленберга (табл.1, 3) (Schindler 1940: Abb. 39-41) показывает, что керамика первой серии выступает значительно раньше с фибулами VI и VII группы О.Альмгрена, которые дают дату в пределах рубежа С1b и С2. К этому же времени относит появление этой керамики и Р.Волонгевич (Wołagiewicz; 1981 1993). При разработке относительной хронологии мог. Брест-Тришин оказалось, что сосуды первой серии отсутствуют в первой и второй фазе могильника и встречаются в единственном числе в третьей-четвертой фазе в горизонте с фибулами, украшенными зернеными кольцами, подвесками в виде «молоточков Тора», пряжками типа «Д», т.е. вещами, характерными для ступени С2 (Sharov 1999). Этот факт свидетельствует о том, что первая волна ВК не несет этой керамики, а, ве-

роятно, она появилась не ранее конца С1, а скорее всего в фазе С2, когда эта керамика уже существовала в ЧК.

Пшеворская культура (ПШК)

Керамика первой серии представлена на ранних этапах формирования культуры периода В1, далее она единично выступает на могильниках Силезии уже на позднем этапе позднеримского периода. Эта керамика лепная, очень отличающаяся от пшеворских керамических традиций. В погр.37 мог. Спицымеж она выступает в комплексе с terra-sigillata «Dragendorf-37» и золотой подвеской-лунницей (Kietlińska 1963), что говорит, вероятно, о западном происхождении этого комплекса.

Словакия

Керамика Словакии интересна тем, что еще в I-II вв.н.э. здесь достаточно сильно ощущалось бесспорно кельтское влияние. М.Ламиова-Шмидлова объясняет этим фактом появление гончарной керамики на территории ю.-в. Словакии, где на поселении Себастовичи-Барка, относящемуся в раннеримскому времени, она выступает достаточно массово (Lamiova-Schimiedlova 1969). Здесь же, в траншее 23 во втором слое встречены лепные сосуды, сопоставимые с выделенной серией (Lamiova-Schimiedlova 1969). В более позднее время сосуды первой серии выступают единично, несмотря на определенное влияние кельтских гончарных традиций как на востоке (Блажицы), так и на западе (Пуховская культура) Словакии. Сюда же можно отнести и керамику с мог. Осков, где представлены сосуды I серии, которые Т.Кольник датирует по фибулам концом II в.н.э. (Kolník 1970). Это бесспорно сильное влияние кельтских традиций в керамическом производстве рассматриваемого региона.

Лебус-любущская группа ПШК или Любошицкая культура (ЛК) (Табл. 17, 18)

Рассматривая керамический материал культуры, мы обратили внимание на чрезвычайную редкость сосудов первой серии в лепной технике и изобилие в гончарной. Г.Доманский относит сосуды из Streumen (табл.17-14) (Meyer 1971: Abb. 118-4) и Schwochau (табл.17-13) (Meyer 1971: Abb.116-4) ко второй фазе ЛК (180-230 гг.н.э.) и считает появление этого типа влиянием Эльбского культурного круга (Domanski 1979: 68), о чем говорит характерный эльбский орнамент из трех «Knubbe» на сосуде из Streumen. На поселении Цветау встречено большое количество гончарной керамики первой серии (Meyer 1971: Abb.173-175) (табл.18, 1-4, 12, 13, 23, 24), но фактически на других поселениях более ее не выявлено, что позволяет искать источник появления этой керамики не в

данном культурном контексте ЛК, т.к. на ранних этапах ее развития такая керамика не встречалась. Обратимся к району Эльбы, который мог дать импульсы для появления этой серии сосудов в рассматриваемой культуре.

Нижняя Эльба

Этот район дает нам керамику первой серии, как с разнообразным орнаментом, так и без него, где она выступает с III в.н.э. (Schach-Dorges 1970; Genrich 1954). Вся керамика лепная и составляет среди всего многообразия посуды незначительный процент.

Средняя Эльба (Табл. 19, 20)

Ф.Кухенбух выделил для района Альтмарк-Ганновер ряд основных форм керамики, из которых форма А относится к выделенной нами серии (Kuchenbuch 1938: Taf.9-1,2) (таб. 19, 1-2). Керамика раннего этапа богато украшена

меандром, но на более позднем этапе (С2-С3) становится более приземистой и утрачивает орнаментацию. Автор пишет, что в конце фазы С2 ситулы постепенно переходят в Schaleurnen. При этом очень существенно то, что ситулы и террины, как ведущие типы эльбогерманского мира, по Ф.Кухенбуху, происходят от трехчастных сосудов западно-рейнского латена (Kuchenbuch 1938: 5, 16). Для **района Тюрингии** А.Лазер отметил в III в.н.э. большой процент сосудов I серии, из которых большинство представлено неорнаментированными сосудами (Laser 1965, Taf. 5-1, 27-20, 41-2, 45-18) (таб.20, 1-4). В трупосожжениях использовалась, главным образом, лепная керамика, что нельзя сказать о керамике из труположений.

Горизонт Лейна-Хаслебен (Табл.21)

Достаточно репрезентативно представлены гончарные сосуды первой серии в **горизонте Лейна-Хаслебен** (ГЛХ) (Табл. 21). Это погр.

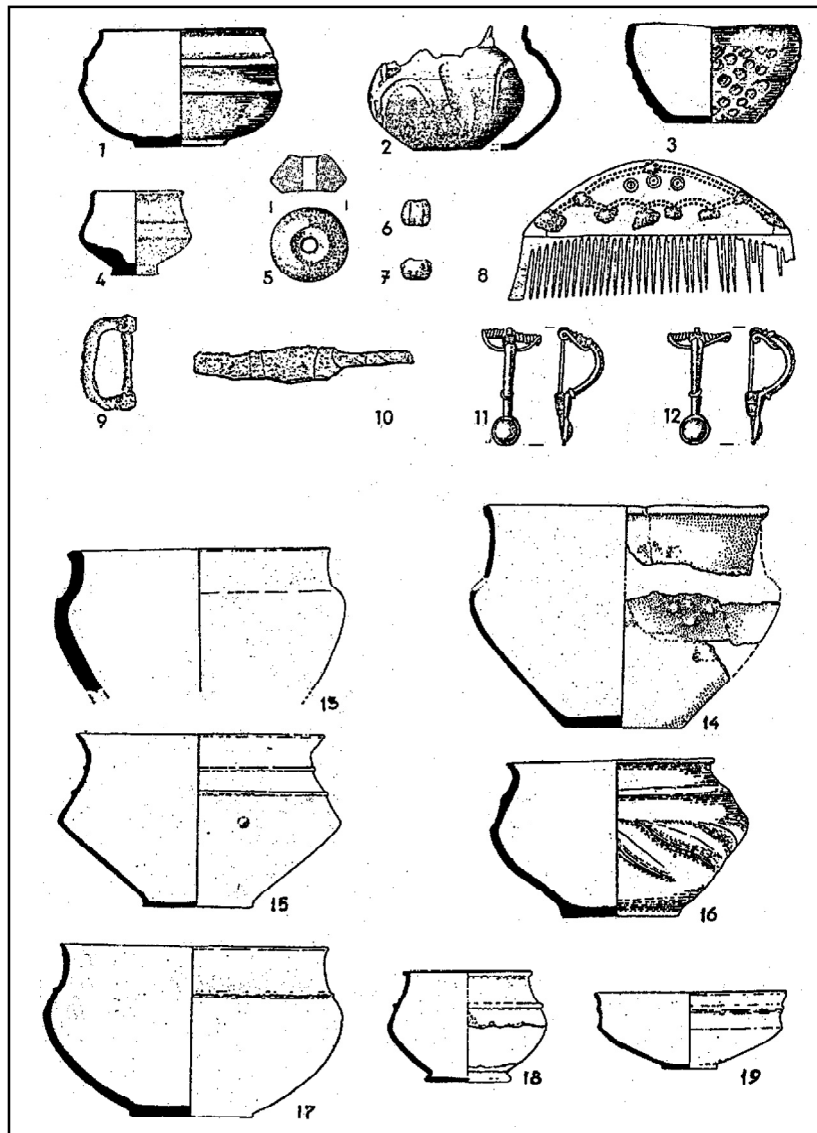
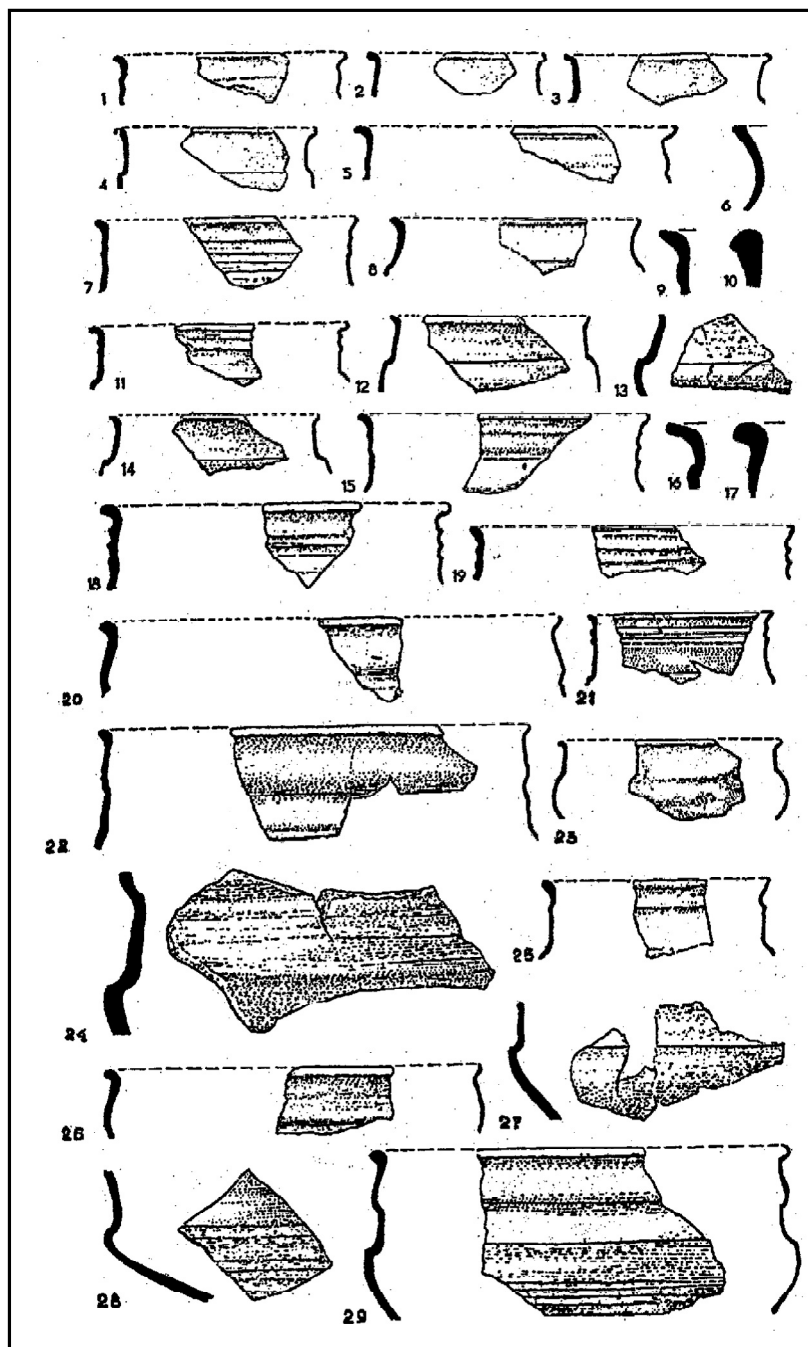

Табл. 17. Комплекс погребения Лебус (№№1-12 по Leube, 1975, Taf.17). №№ 13-19 — Керамика лебус-любущской группы пшеворской культуры по А. Leube и К. Godłowski или Любощицкой культуры по Д. Доманскому (по: Meyer 1971).

Табл. 18. Керамика поселения Цветау в Саксонии (Meyer 1971).

1917 г.; 2,3 - 1926 г. могильника Лейна (Schulz 1953: Abb.5, 32, 43, 44). В отличие от комплекса вещей, указывающих на юго-западные связи (Roeren 1960: 229-233), керамика фиксирует ее местные корни, но она выполнена на более высоком гончарном уровне, что закономерно как в связи с более поздней датировкой по отношению к керамике раннего горизонта ЧК, так и, вероятно, связано со стойкими керамическими традициями с эпохи латена. Вероятно, к эльбскому кругу древностей следует отнести и гончарный центр Цветау в Саксонии, т.к. традиции изготовления такой посуды на Эльбе существовали с более раннего времени. Далее на восток от Средней Эльбы, где, по А.Лейбе, нахо-

дится область семнонов, такая керамика уже не встречается (Leube 1976: 114).

Верхняя Эльба (Табл. 22, 1-5)

Р.Мотыкова-Шнейдерова, разбирая керамику Чехии (Motykova-Schneidrova 1967) периода, который можно синхронизировать с В2-С1 К. Годловского (Godłowski 1970: 77-81, Abb.18), выделила ряд типов, среди которых представлены формы, сопоставимые с сосудами первой серии. Эта керамика существует в Чехии с самого начала римского времени и, вероятно, может быть связана традицией с маркоманнами, которые мигрировали туда из района Рей-

на-Майна через Среднюю Германию в период В1. Это — многочисленные террины различной высоты с цилиндрическим горлом и резко подчеркнутым туловом (Motykoва-Schneidrova 1963) (табл. 22, 1, 2). Исследовательница также выделила лощеные миски и Schaleurnen с четко выделенным горлом и резко оформленным краем, которые чаще всего не украшены (Motykoва-Schneidrova 1963). В более позднее время сосуды первой серии появляются с характерным эльбским орнаментом.

Моравия (Табл. 22, 6-10)

Появление керамики первой серии наблюдается уже в период В1с по Т.Кольнику, в том числе в богатых погребениях западно-моравского региона, выделенных Я.Тейралом (Tejral

1983: 88, Abb. 9-1-3). Он отметил некоторое сходство по обряду и инвентарю с синхронными богатыми погребениями правого берега Рейна (Tejral 1983: 92), что вызывает интерес, т.к. в районе Майнфранка эта керамика встречена в фазе А по Х. Пешеку (Peschek 1978: Taf.2). В первой половине II в. сосуды первой серии еще встречаются на поселениях этого региона (Tejral 1983), но во второй половине II в.н.э. они составляют незначительный процент, что является, вероятно, отражением бурной эпохи маркоманских войн (167-180 гг.н.э.) и проникновением носителей пшеворской культуры. В последующее время сосуды 1 серии спорадически встречаются в Южной Моравии уже в гончарной технике, но на более позднем этапе, чем рассматриваемый хронологический период (Tejral 1975: рис.19).

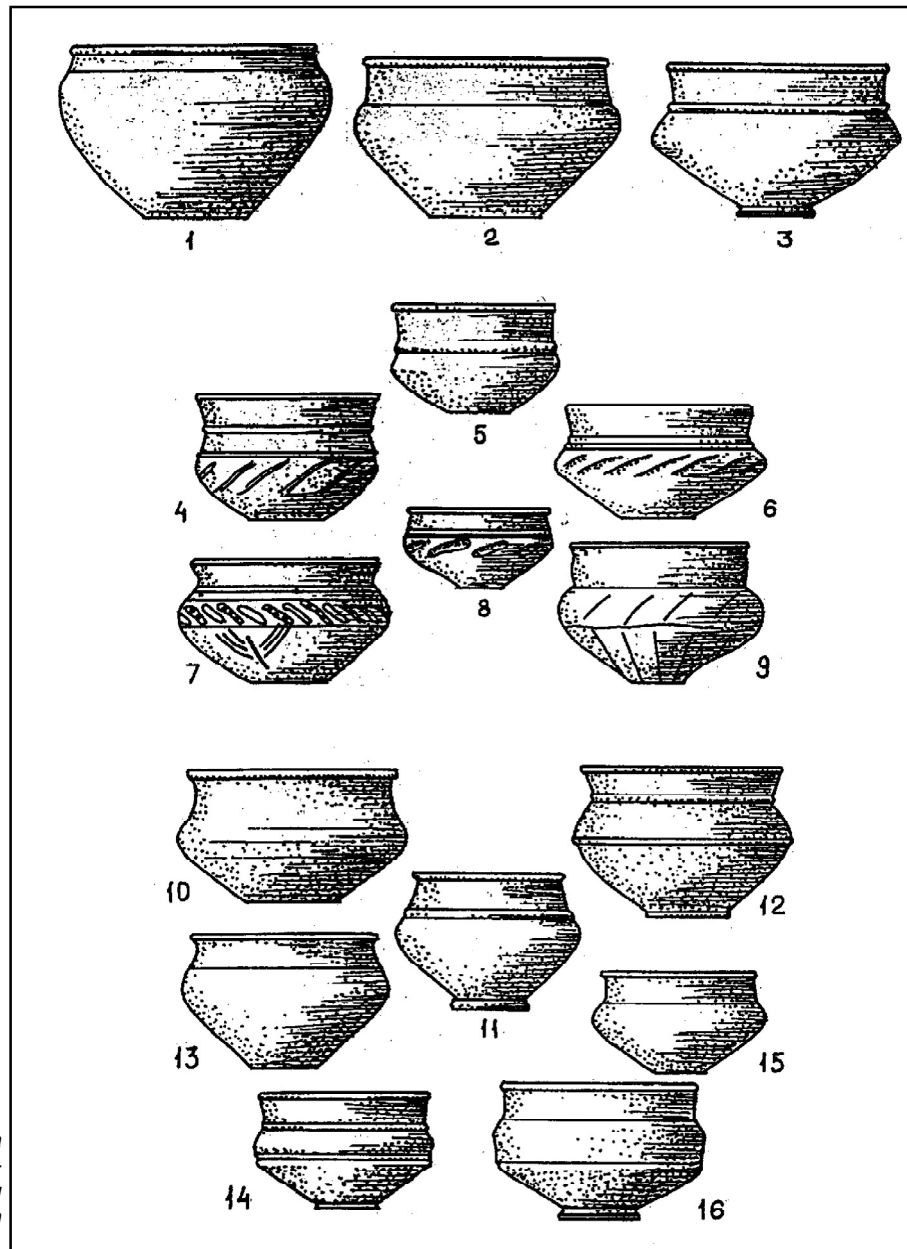

Табл. 19. Керамика региона Средней Эльбы (Kischenbisch 1938)

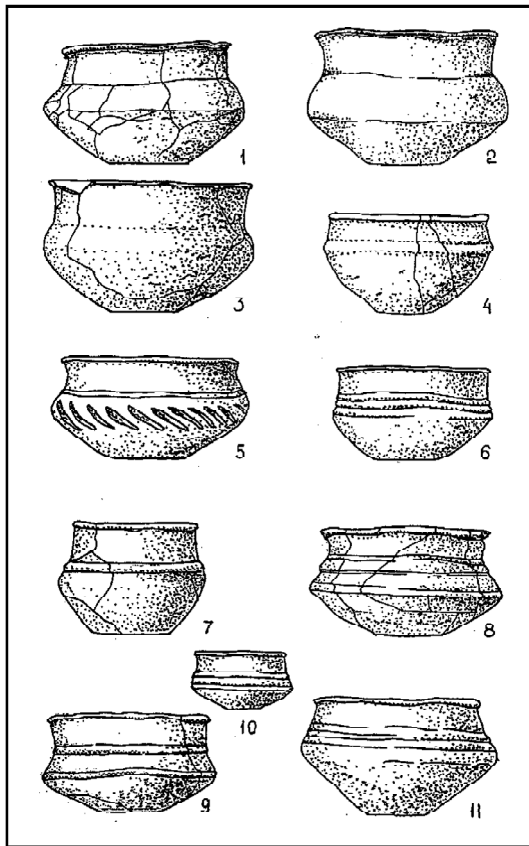

Табл. 20. Керамика Тюрингии (Laser 1965).

Нижний и Средний Рейн (табл. 23)

Регион, рассматриваемый Р.Усларом от низовьев Рейна до Эльбы, дает нам большое количество лепных сосудов первой серии, сосредоточенных в двух центрах: на Рейне — в районе Рейндорфа и в районе реки Заале (Uslar 1938). Это форма 2 по Р.Услару (Uslar 1938: Taf.A-25-28), которая развивается из местных форм террин и появляется в конце II — начале III в.н.э., являясь основным отличительным признаком этой территории (табл. 23-А). Эта посуда двух типов: на высоком поддоне и без него, фактически лишенная орнамента и всегда лепная. (табл. 23-Б) Р.Услар отметил сходимость этих сосудов с Dragendorf-37, чашами с вертикальными стенками Eggers-78-93 и котелками Нептоог, что впоследствии станет одним из отличительных признаков княжеских погребений ГЛХ (Uslar 1938: 145-148).

Верхний Рейн, Верхний Дунай, Майн и Неккар (Табл. 24)

В районе Майнфранка Х.Пешек отмечает керамику первой серии в периоде А (табл. 24-1-2). и на позднем отрезке поздне римского периода (табл. 24, 3-9). В этом регионе она крайне немногочисленна (Peschek 1978: Taf. 2-12, 39-

1, 2, 4, 8, 9).

На Верхнем Дунае (Dannheimer 1962) и Верхнем Рейне (Overbeck 1983) и в областях, занятых аламанными (Koch 1981), она также отсутствует. Этот факт вполне соответствует версии переселения гермундуров-семнонов из района Эльбы в район Майна-Рейна во II в.н.э. (Leube 1986), т.к. в обоих регионах в это время керамика первой серии практически не встречается.

Вторая серия**Культура Поянешти-Вьртешкой**

Гончарная керамика, начиная со II в.н.э. представлена на памятниках этой культуры в большом количестве: 60% на поселениях и до 90% — на могильниках, из них около 75% — сероглиняной. Интересующих нас серий сосудов на поселениях и могильниках этой культуры не встречено, но выступают в большом количестве открытые сероглиняные лощеные миски, аналогичные мискам раннего горизонта Ружичанки (Bichir 1973: Taf. LXXXIX-6, 8; ХСI-6; Popilian 1980: Taf.XI-3, XL-6, XLII-1).

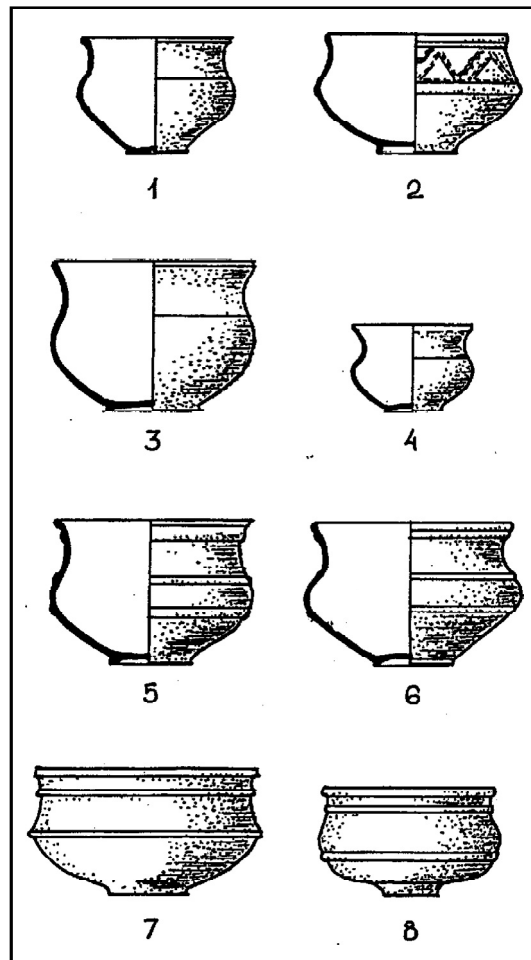
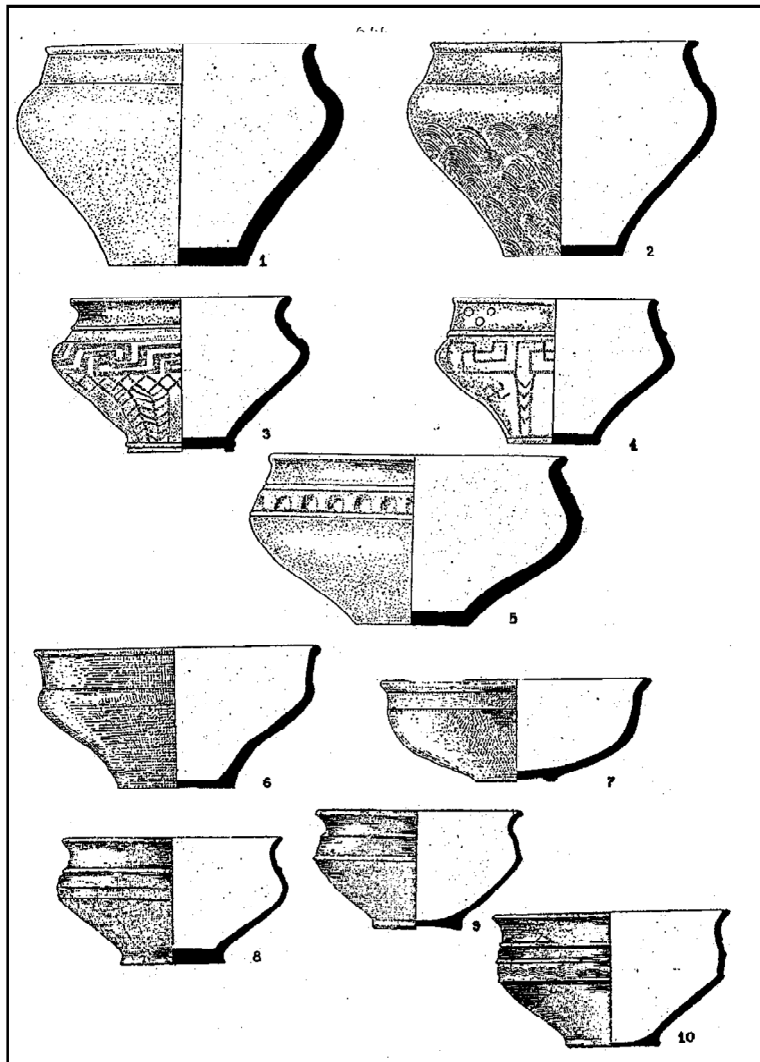

Табл. 21. Керамика из могильников Лейна и Хаслебен (Schulz 1933; 1953)

Табл. 22. Керамика Чехии (№№1-5) по (Motykova-Schneidrova 1963; 1967) и Моравии (№№6-10) по (Peskar, Ludikowski 1978).

Культура свободных даков

В некрополе Козия встречена керамика второй серии (табл. 13, 7) наряду с керамикой, на наш взгляд, эльбского круга (Ioniță 1980: Abb.29-2), т.к. сосуд украшен характерным орнаментом в виде валика с косыми насечками (см. Schach-Dorges 1970: Taf.13-17, 31-23) (табл.13, 8). Погребение содержит бронзовую двучастную пряжку типа «Д», наконечник стрелы с открытой втулкой и подвижную фибулу первого варианта по А.К.Амброзу (Ioniță 1980: Abb.28). Пряжку этого типа Р.Мадыда датирует периодом С2, наконечник стрелы выступает в ПШК в фазах В2 и С1 (Madyda 1977: 367, Taf. III, 1). Следовательно, этот комплекс можно датировать рубежом С1 и С2. Здесь мы видим ярко выраженные германские (эльбские), а также очевидные дакийские элементы (Ioniță 1980: Abb. 28-2, 6) (табл.13, 5). Этот комплекс фиксирует начало появления черняховских памятников на территории Румынии, которое начинается с

269-271 гг.н.э. после окончательного оставления Дакии римлянами (Ioniță 1980: 91).

Культура римских даков

Она не дает нам в своем материале керамики выделенной серии, тем более что дакоримской керамике была присуща в это время посуда из грубой зернистой глины (Porțilan 1980: Taf.XLI-XLIII), которая не содержится в ранних горизонтах ЧК, что противоречит мнению Г.Диакону о такого рода посуде (Diaconu 1970: 243-251, 249).

Липицкая культура

Керамика липицкой культуры, изготовленная на быстром гончарном круге, представляет большой ассортимент форм, среди которых отсутствует керамика выделенных серий (Цигилик 1975). Гончарство также не могло быть заимствовано от носителей этой культуры, т.к. оно заканчивается в конце II — самом начале III в.н.э.

Волынь-Подолля (Табл. 25)

Остановимся на районе Волыни-Подолли и Поднестровья, выделенных М.Б.Щукиным в 12, 13 колонные секвенции, где нет хронологического hiatusа перед появлением ЧК (Щукин 1979: 75-80). В районе Поднестровья встречаются сильные пшеворские и вельбаркские элементы. М.Н.Козак четко различает на вельбаркских поселениях и могильниках черняховскую керамику, которая представлена в основном гончарными сосудами второй серии (Козак 1986: 719, рис.5). На территории Волыни и Полесья с конца В2 появляются первые памятники ВК, к которым относится прежде всего Брест-Тришин (Кухаренко 1980: 64-65). Следующей волной переселенцев из германского мира был оставлен могильник в Дитиничах (Смишко, Свешников 1960: 89-114), и несколько позднее появляются носители Волынской группы погребений, где наблюдается смешение различных культурных стилей

(Кухаренко 1980: табл. XXVII). Могильник в Дитиничах, где представлена в основном лепная посуда северного облика (сосуды с псевдоушками), также дает нам керамику западных традиций: сосуды, украшенные косыми каннелюрами (Смишко, Свешников 1959). О западных связях говорит также и малочисленная гончарная керамика, т.к. одна из мисок удивительно напоминает керамику бельгийского производства с Рейна (Gose 1950: Taf.118). Могильник Любомль дает нам керамику второй серии (Кухаренко 1980: табл. XXVII); посуда того же облика, но с валиком под венчиком, происходит из могильника Деревянное (Кухаренко 1980: таб. XXVIII) (табл.25, 11) и богатого княжеского погребения у с.Рудка (Кухаренко 1980: таб. XXXI-XXXII) (табл. 25, I-20). Конечно, можно допустить, что керамика второй серии могла появиться в этих памятниках из ЧК, но наличие валика под венчиком и характер инвентаря говорят прежде всего о западных связях населения, оставившего эти памятники.

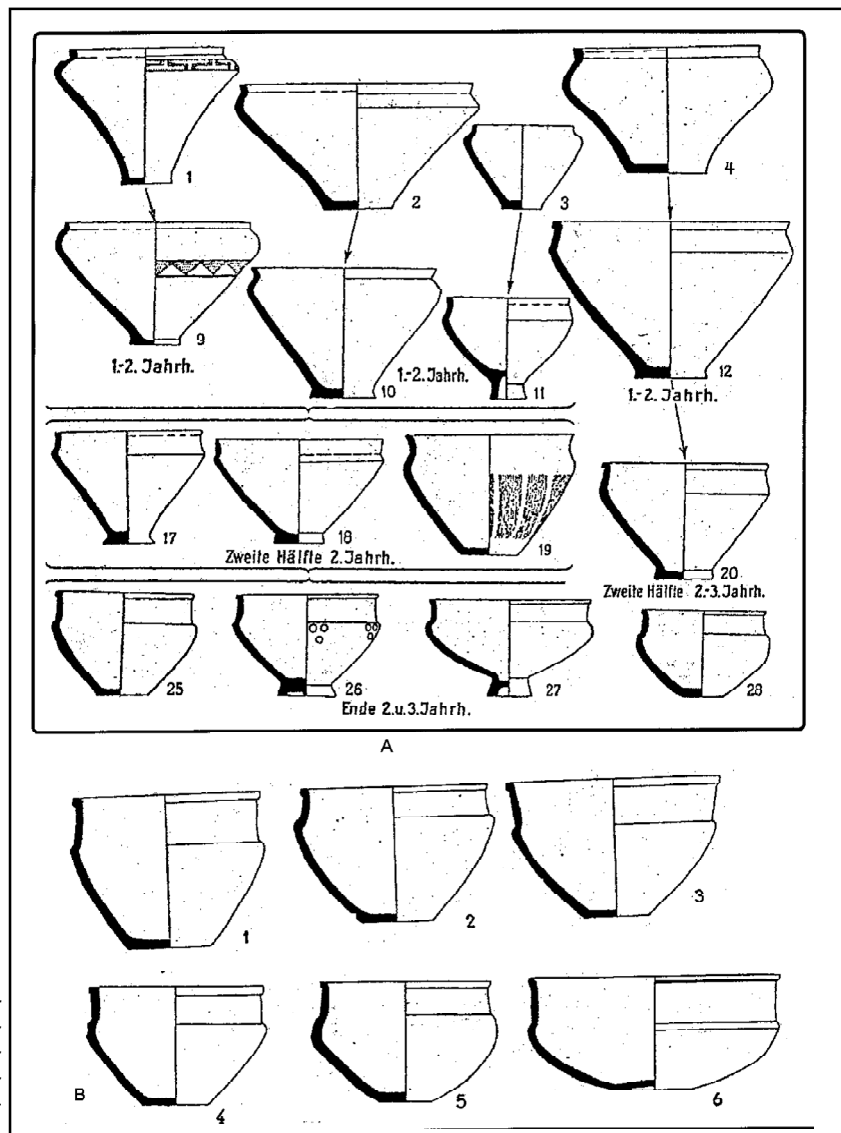
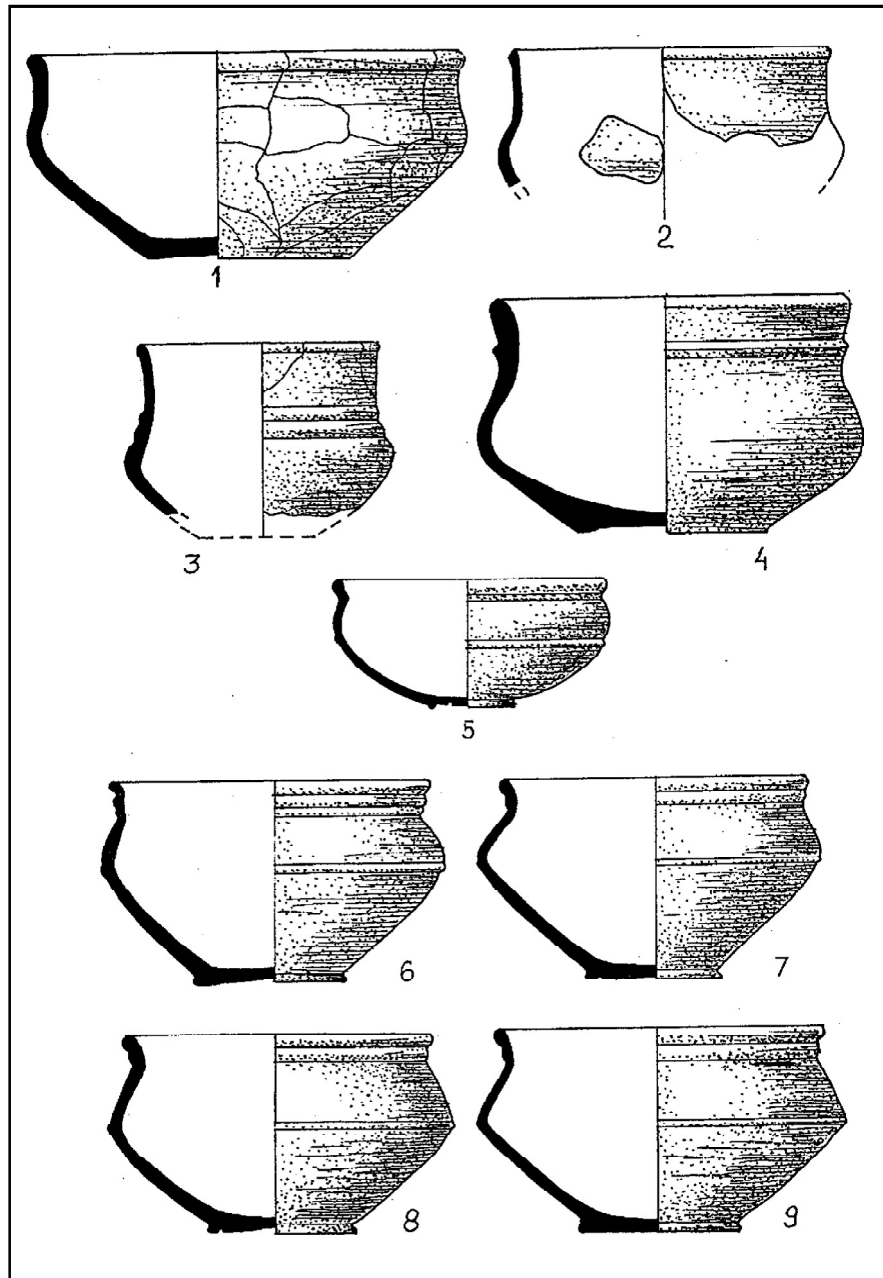

Табл. 23. Керамика Рейнско-Эльбского междуречья (B 1-6) и схема развития керамики по Р. Услару (A — Uslar 1938).

Табл. 24. — Керамика региона Майнфранка (Peschek 1978)

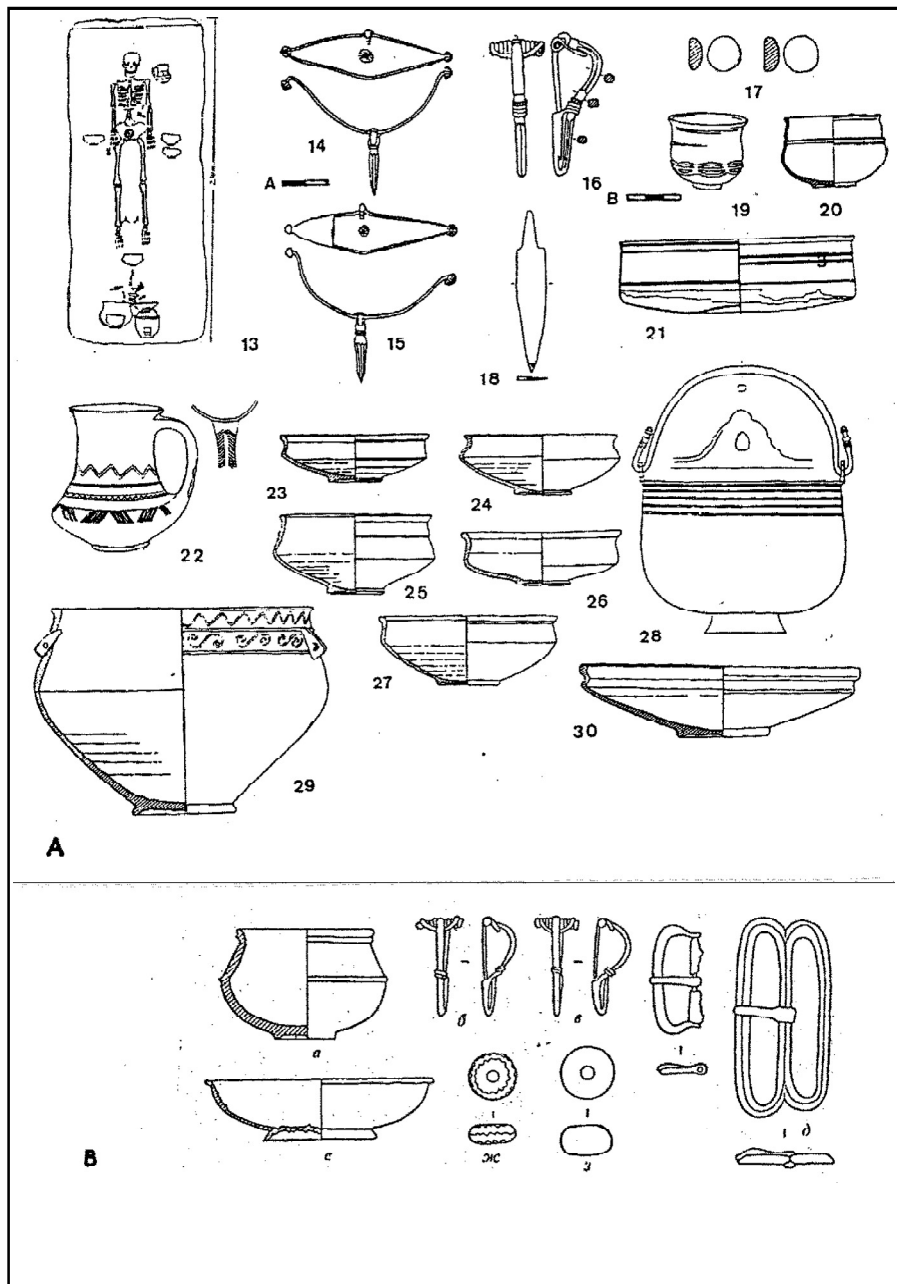
Вельбаркская культура

Вельбаркская культура в единичных случаях дает нам комплексы, где представлены сосуды второй серии. Так, в погребении Zalesino из Западной Померании гончарный сосуд второй серии встречен с фибулой седьмой группы первой серии по Ф.Кухенбуху и шпорой седьмой группы с асимметричной дужкой, на основании которых авторы датируют это погребение С1Б и относят к вельбаркской культуре (Kaczanowski, Madyda-Legutko, Nawrołska 1980: 101-102). На наш взгляд, это чуждое явление для этого круга древностей и керамика подобного типа появляется в культуре уже в IV в., что, вероятно, связано с обратным потоком из более южных регионов.

Пшеворская культура

Пшеворской культуре не присуща такого рода керамика на ранних этапах, и сосуды, украшенные валиком, появляются вместе с возникновением гончарных центров в Иголомии (Gajewski 1959: 101-154) и Тропишово (Reyman 1936: 147-175) (табл. 5-10). Л.Гаевский считает, что печи Иголомии функционировали уже с 200 г.н.э. (Gajewski 1959: 148-149). К.Годловский подверг критике хронологию отдельных вещей, найденных в подах печей, и показал, что эта дата может колебаться, и очень вероятно, что печи начали функционировать не ранее середины и даже третьей четверти III столетия (Godłowski 1974: 179). В Иголомии в основном встречена

Табл. 25. А — Комплекс из Рудки; В — инвентарь погребений из мог. Деревянное (Кухаренко 1980).

кухонная шероховатая керамика (80%) и лишь незначительное количество серо-чернолощеной посуды. Следует заметить, что керамика второй серии в ПШК выступает в значительном количестве, но это — сосуды, украшенные между валиками пролощенным орнаментом, трехручные вазы и открытые миски, напоминающие по форме «Dragendorf-37» (Dragendorff 1895-1896: Taf.111-37). Практически отсутствуют сосуды и миски, украшенные валиком без дополнительного орнамента, что характерно для раннего горизонта ЧК. Этот факт говорит или о более поздней дате производства сосудов второй серии в этом гончарном центре, или, что вероятнее, об иных путях проникновения этой керамики в ЧК. Это подтверждает также огромный процент хрупкой керамики и полное отсутствие

сосудов первой серии. В Силезии в одном из ранних комплексов представлен сосуд второй серии вместе с восьмерковидной пряжкой. Этот комплекс К.Такенберг связывает с влиянием маркоманнов из района Богемии (Taskenberg 1925: 127).

Словакия

Необходимо остановиться также на территории Словакии, где в период В2 наблюдается сильная экспансия ПШК. В восточной Словакии начинается с конца II в.н.э. производство серо-глиняной керамики типа «Блажицы». Основная форма ее напоминает Dragendorf-37-39 (Lamiova-Schmiedlova 1969: 467-474). Сосуды в основном украшены штампом и лощеным ор-

наментом. Такая орнаментация чужда гончарной керамике раннечерняховского горизонта. Среди разнообразия посуды типа «Блажицы» встречены фрагменты керамики второй серии (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 12-1, 2, 11, 16), но следует заметить, что валик в данном случае находится под венчиком, что крайне редко для ЧК и скорее говорит о западных истоках этой орнаментации.

Лебус-любущская группа ПШК, или Любошицкая культура

Рассматриваемая керамика характерна для III фазы ЛК и выступает в одном горизонте с гребнями типа I по С.Томас, фибулами А 161-162, ведерковидными золотыми подвесками, гривнами, шпорами седьмой группы М.Яна и римскими импортами, среди которых котелки типа «Нетмоог», ковши-цедилки Eggers-161, чаши с вертикальными стенками Eggers-78-93 (Domanski 1979: Abb.30). Попытаемся определить более точно время появления керамики второй серии. В Литтене, погребении 14 сосудов серии II-Б (табл. 17, 18) выступил вместе с железным ведерочком-подвеской (Meuer 1971, Abb.65), в Лебусе сосуд той же серии встречен с двучастной пряжкой типа Д, трехчастным гребнем с низкой овальной спинкой и подвязной фибулой шестой группы четвертой серии типа А-2 по Маттесу (Leube 1975, Taf.17, 1-12). (табл. 17, 1-12). Анализ комплексов показывает, что керамика второй серии выступает в периоде С2, вероятно, с его начала, т.к. в Цаушвитце гребни с низкой овальной спинкой Э.Мейер датировал с первой фазы могильника (180-260 гг.) (Meuer 1969: Abb. 6,15, 18, 26). Керамика второй серии встречена в большом количестве в рассеянных погребениях могильников Luboscizcze и Litten, что является характерным обрядом, по Г.Доманскому, для фазы С2 (Domanski 1979: 18, 26). В большинстве погребений керамика второй серии находится в одних комплексах с боевыми топорами с вытянутой щечкой (тип 6 по Э.Мейеру) (Meuer 1971: Abb. 56, 67, 68), что является хорошим датирующим признаком этого периода. Следует заметить, что первая гончарная керамика в ЛК появилась еще на стадии В2/С1, где она выступает с фибулами А-41. Отличительным признаком этой культуры является большой процент гончарной посуды при сравнении с соседними территориями, причем основная доля приходится на поселение Цветау, которое было центром для гончарного производства для большой территории, охватывающей не только ЛК. Среди разнообразия форм керамика второй серии встречается очень редко на этом поселении (таб. 18, 5, 11, 18, 25). Следует заметить, что керамика выделенной серии в ЛК встречена исключительно в гончарной технике, причем в более раннее время эти формы не отмечены исследователями. Обратимся к сосед-

ним ареалам, где, вероятно, можно искать истоки этой керамики.

Нижняя Эльба

Работы Х.Шах-Доргес (Schach-Dorges 1970), А.Генриха (Genrich 1954) свидетельствуют о том, что в данном регионе керамика нашей серии представлена достаточно массово, но валики часто украшены косыми насечками, а тулово сосуда — богатым орнаментом. Комплекс из погр. 821 Притцира, где представлен сосуд второй серии, дает нам дату С2 по воинской фибуле серии 1-А по Ф.Кухенбуху (Schach-Dorges 1970: Abb.6). Более раннюю дату дает комплекс погр.10 из Stolpe, Kr.Parchim, где встречен сосуд, украшенный желобками и валиками с косыми насечками, вместе с фибулой седьмой группы первой серии по Ф.Кухенбуху (Schach-Dorges 1970). В данном случае можно сделать вывод, что сосуды второй серии выступают в этом регионе в более раннее время (С1) — богато украшенные орнаментом, и валики почти всегда сочетаются с другими орнаментальными мотивами; позднее (С2; С3) появляются сосуды, украшенные только валиками. Вся керамика этого региона в рассматриваемое время лепная. Гончарная встречается единично на более поздних этапах. Керамика второй серии не определяет лицо этого региона, здесь более характерны сосуды, украшенные другими видами орнаментации: желобками, каннелюрами.

Средняя Эльба (Табл. 19, 20, 26)

Ф.Кухенбух, разбирая керамику Альтмарк-Ганновера (Kuchenbuch 1938: 8-17), отметил такое же богатство орнаментации на сосудах третьего века, точнее, С1, и почти ее полное отсутствие в фазе С2 и позже, причем характерным орнаментом для раннего периода является меандр, который употреблялся исключительно на севере. В большом количестве выступают также сосуды, украшенные валиками в сочетании с другими орнаментами, но в мог. Rebensdorf встречен гончарный сосуд серии 2-А в комплексе, который Е.Келлер датирует С1в (Keller 1974: Тур 16А) (табл.19-3). В этом регионе достаточно рано появляется гончарное производство, и мы видим уже в конце III — начале IV в. в Ганновере сосуды, украшенные косыми линзами по краю, которые удивительно напоминают керамику более позднего этапа ЧК (Kuchenbuch 1938: Taf. XVIII) (табл. 43, 4, 6-8). В мог. Цаушвитц, который Э.Мейер относит к эльбогерманцам, также встречены сосуды второй серии (табл. 26-3,4). Так, в погр. 46 и 59, которые относятся к первому горизонту (180-260 гг.), эти сосуды типа 1-В1 по Э.Мейеру выступают вместе с фибулами седьмой группы серии 2-А по Маттесу (Meuer 1971: Abb. 62, 76). Эти серо-чернолощенные лепные сосуды с неукрашенным

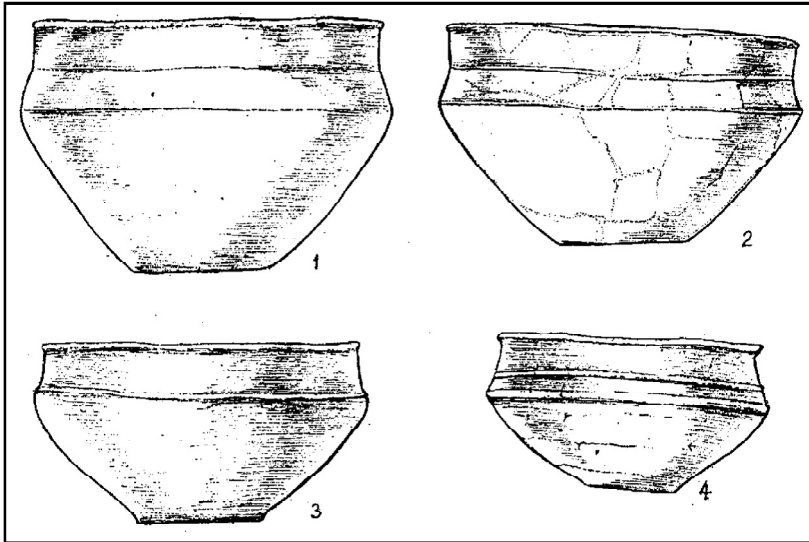

Табл.26. Керамика могильника Цаушвиц (Meуer 1969).

валиком встречены на могильнике вместе с керамикой 1-й серии, которой подавляющее большинство, и их совстречаемость на одних и тех же памятниках, на наш взгляд, не случайна. Работы Лазера по Тюрингии также дают нам изобилие характерных эльбских форм с украшенным и неукрашенным валиком в сочетании с сосудами первой серии (Laser 1965: Taf. 13, 16, 17, 34, 41, 45) (табл. 20, 5-11). Именно в этом регионе в более позднее время выступают богатые княжеские погребения горизонта Лейна-Хаслебен.

Горизонт Лейна-Хаслебен

Гончарные сосуды второй серии представлены в погребениях 4, 7 19 мог. Хаслебен, в погребениях 2,3-1926 г. мог. Лейна (табл. 21, 2, 5, 8). Эта керамика имеет отличительный признак — валик находится прямо под венчиком или на линии перегиба тулова. Она сделана из хорошо отмученной глины, чернолощенная до металлического блеска, большинство валиков имеет выточенную призматическую форму.

Чехия. Верхняя Эльба

Керамика второй серии существует в данном регионе с самого начала раннеримского времени (Motykowa-Sneidrowa 1967: beil 1-31, 38) и представлена в I-II вв.н.э. теми же формами сосудов первой серии, но которые украшены одним или двумя валиками (Motykowa-Sneidrowa 1967: Veil 1-1, 4, 9, 14, 20). Следует заметить редкость украшения валиком мисок (табл. 22, 3-5).

Моравия

На ступени С1 усиливаются тесные связи с Чехией и со всем эльбо-германским миром, которые потом прекратились со времени королевства Ванния. В середине III в. на территории

Моравии с Нижней Эльбы проникают носители группы Коштелец, на позднем этапе развития которой мы встречаем керамику второй серии, выполненную в гончарной технике (Godłowski 1970: Taf.XXI-19), что, вероятно, является влиянием из южно-моравских центров. В южной Моравии такая керамика появляется несколько ранее. И.Печкарь в В.Гостерадках выделил лепной сосуд с валиком, который подражает гончарной технике, и отнес его к раннему отрезку С2 (Peskar, Ludikovsky 1978: 57, 129, Abb.6-1) (таб. 22, 8). В несколько более позднее время появляются сосуды второй серии, украшенные орнаментом из волн между валиками на почти вертикальной верхней части тулова (таб. 22, 9-10). Эта модель формы не характерна для черняховской керамики даже в более поздний период. Подтверждением этому является отнесение сосуда из погр. 22 мог. Гостерадки, который близок по форме и декору к раннечерняховским сосудам, к чуждым влияниям, в отличие от остальной керамики, типичной для моравско-словацкой группы (Peskar, Ludikovsky 1978: 63, Abb.8-1). Обратимся к более западным регионам.

Нижний Рейн-Везер

Район Нижнего Рейна и Везера не дает такого рода керамику (Uslar 1938), как и район Верхнего Рейна и Верхнего Дуная, где представлены сосуды иных керамических традиций. Особый интерес вызывает район Майнфранка и Декуматных полей. Керамика второй серии в районе Среднего Майна есть в фазе А, а затем появляется лишь со ступени С2, поразительно напоминая керамику ГХЛ (Peschek 1978: Taf. 35-19, 66-14, 52-13, 50-12, 67, 88-11) (таб. 24, 5-9). Комплекс из Штокштадта и погр. 4 из Герласхайма, где выступают такие характерные вещи, как трехчастный треугольный гребень, янтарные грибовидные подвески, фибула, украшенная в закрушском стиле, позволяют отнести их к развитой фазе С2 и указать на тесные связи как по

форме керамики, так и по вещам с ГХЛ. В районе Неккара, где по письменным источникам упоминаются аламанны и бургунды, мы также находим керамику второй серии с валиком под венчиком, которая встречается вместе с посудой бельгийского производства (тип 24, 26 по Ф.Унферцагту) (Koch 1981: Abb. 2, 3, 4). В Алцее бельгийская керамика появляется в IV в.н.э., но Ф.Унферцагт считал, что необходимо искать производство этой посуды в более раннее время в районе Вормса, откуда, кстати, происходят и сосуды рассматриваемой нами серии (Unverzagt 1916: 27). Необходимо сказать о том,

что дата закладки кастелла Алцей в последние годы сильно поднялась вверх (Oldenstein 1986: 341) и поэтому керамический материал из его слоя остается за пределами нашей работы. На наш взгляд, заслуживают самого пристального внимания исторические данные о переселении на Майн и Рейн в конце III в. н. э. и в последующее время части бургундов, избравших Вормс столицей своего государства. Этим фактом можно объяснить сходство керамики Вормса и Семиградья (ареал культуры Сынтана-де-Муреш) и возрождения древних традиций изготовления сосудов, украшенных валиком.

4. Некоторые предварительные итоги

Попытаемся выделить на заключительном этапе исследования хронологические и хронологические связи между культурными регионами, которые могли бы объяснить появление в рассматриваемый период керамики выделенных серий в ЧК (табл. 53 А).

I серия сосудов появляется с начала римского времени в районе Верхней Эльбы и существует весь интересующий нас период, встречаясь как украшенной, так и неукрашенной орнаментом. В районе Средней Эльбы эта керамика появляется уже в конце II — нач. III вв.н.э., что связано, вероятно, с влиянием из Рейнско-Везерского региона, где она выступает с начала II в.н.э. В остальных регионах эта посуда либо встречается крайне редко, либо была в употреблении только в раннеримское время, что, вероятно, связано с затухающими импульсами кельтского мира. Х.Пешек в районе Майнфранка на ряде поселений отметил в период В1 мирное сосуществование кельтов и германцев, причем автор относил керамику выделенной серии к кельтской (Peschek 1960: 75-99). Исходя из этих фактов, следует принять, что керамика I серии могла распространиться в ареал ЧК из Рейнско-Эльбского региона, где эта посуда выполнена в лепной технике и является одним из ведущих типов посуды.

II серия керамики распространилась на территорию ЧК несколько позднее — не ранее конца С1, а скорее всего, развитого С2. Необходимо заметить, что время появления этой формы совпадает с началом гончарного производства в ПШК и ЛК и фактически со временем сложения ЧК. Эта форма существует в районе Средней Эльбы (Тюрингии) и Верхней Эльбы (Богемия) с раннеримского времени непрерывно до интересующего нас периода. Украшение сосудов валиком, по Р.Услару, является характерным признаком для Тюрингии. Он выделяет особую саксо-тюринго-майнфранко-гермундурскую область, где сосуды второй серии встречаются с некоторыми хронологическими лакунами вплоть до эпохи переселения народов (Uslar 1938: 88-89). Синхронно с появлением керамики этой серии в ЧК она появляется в ЛК, но только в

гончарной технике, в то время как на Эльбе в тот же период сосуды этого типа только лепные. В керамическом материале ЛК на более ранних фазах эта керамика не встречена. Она появляется не ранее 60-70-х гг. III в.н.э. и связана, вероятно, с сильным влиянием эльбского региона, что уже отмечалось выше.

Следует лишь заметить, что сосуды II серии встречаются главным образом в западном регионе этой культуры. Исходя из этого, мы можем принять за возможный район появления II серии регион от Тюрингии до Майна. Следует лишь заметить, что предположение в вопросе происхождения сосудов II серии мы отдаем Тюрингии, в силу непрерывного развития этой серии с эпохи латена.

Если подвести итоги, то можно сказать, что керамика выделенных серий могла распространиться, вероятнее всего, из одного культурного региона — эльбского, и прежде всего Тюрингии, где данная керамика встречается в предыдущее и синхронное время на одних и тех же памятниках и в одних комплексах (Laser 1960) (табл. 44).

Попытаемся наметить истоки появления этой керамики на территории Западной Германии. Нужно отметить, что предполагаемый район, ядро развития наших форм, Южная Тюрингия была длительное время в центре кельтского влияния, сердцем контактной зоны (Peschel 1968: 194-195). Она входила в конце I в. до н.э. в зону кельтских оппидумов (Werner 1979: Abb.5) (табл. 27 Б), здесь было развито гончарное производство, найден различный кельтский импорт (табл. 28-А), зона развития фибул Бельц J (Werner 1979: 109-138) (табл. 27-А) и поясных крючков типа А (Werner 1979: Abb. 5) (табл. 27-Б). В этом регионе образует горизонт Гроссромштедт (Peschel 1968: 192-206; 1978: 153-175), прослеживаются богатые княжеские погребения типа Любшев раннеримского времени (Eggers 1951: 43-51), княжеские погребения горизонта Лейна-Хаслебен. Еще при образовании горизонта Гроссромштедт прослеживается сильное влияние бойев, есть целый ряд аналогий с оппидумом Страдонице (Werner 1979: 23, 24).

Племя гермундуrow, отмеченное для ранне-римского времени в районе Тюрингии, также имеет, по мнению исследователей, кельтский корень –dur (Schmidt-Thielbeer E. 1968: 401-402). В конце II в.н.э. преобладающее влияние в этом регионе перешло к бургундам, вытеснившим гермундуrow, но, вероятно, традиции остались. Не случайно вновь стала играть важную роль майнфранко-тюрингская область, как в более раннее время. Формы сосудов I серии прослеживаются раньше всего в регионах с сильным кельтским влиянием либо там, где еще остались кельты к моменту прихода германских племен (Богемия, Рейн, Майн). Как правильно отмечал Х.Пешек, эта форма является кельтской в своей основе и была распространена в Кельтике с эпохи Среднего Латена (Penninger 1972: Taf. 9, 13, 30, 51, 56) (таб. 52, 1-2). В большинстве случаев сосуды I серии при контактах кельтов с германцами в позднем латене и раннеримском времени не получили распространения в чисто германском мире. Вероятно, лишь во втором веке н.э. в контактной зоне между Рейном и Заале произошла трансформация ситул и террин в Schaleumen. В итоге к III

в.н.э. появились приземистые сосуды с четко выделенной шейкой, слабо украшенные, в отличие от раннего времени.

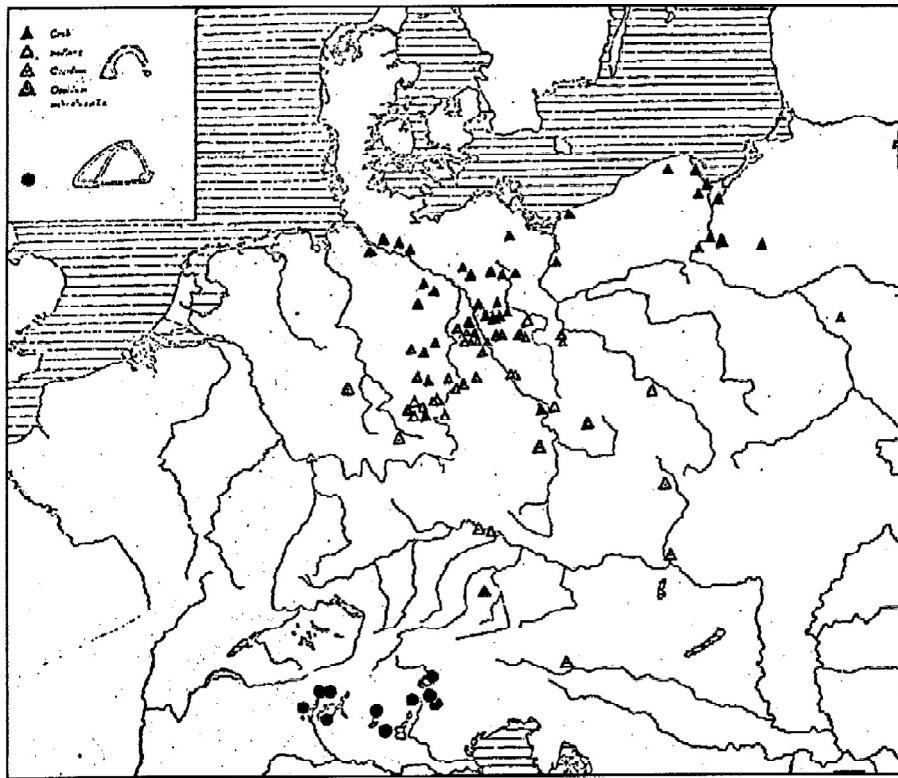
Сходная ситуация и с сосудами II серии. Для кельтского мира тип орнамента валиком был достаточно распространен (табл. 52, 3-7) и появление этой посуды также нужно связывать с кельтским влиянием в контактной зоне. Распространить керамику этой серии на раннем этапе могли маркоманны, которые переселились в Чехию с Рейна через Среднюю Германию. В начале I в.н.э. этот тип орнамента распространяется естественным путем по Эльбе и становится в этом регионе одним из характерных типов, отличающихся регионально различным орнаментом. То, что в этом регионе в III в.н.э. гончарные сосуды появляются раньше, чем в ареале ЧК, и начинает функционировать гончарный центр Цветау в Саксонии, в то время как в остальной части региона гончарная керамика появляется в развитом IV в., говорит о том, что здесь с эпохи Латена сохранялись сильные кельтские традиции, прежде всего в Тюрингии, которую мы бы назвали генератором возрождения древних традиций для всей Германии.

5. Роль бургундов в формировании раннего горизонта черняховских древностей

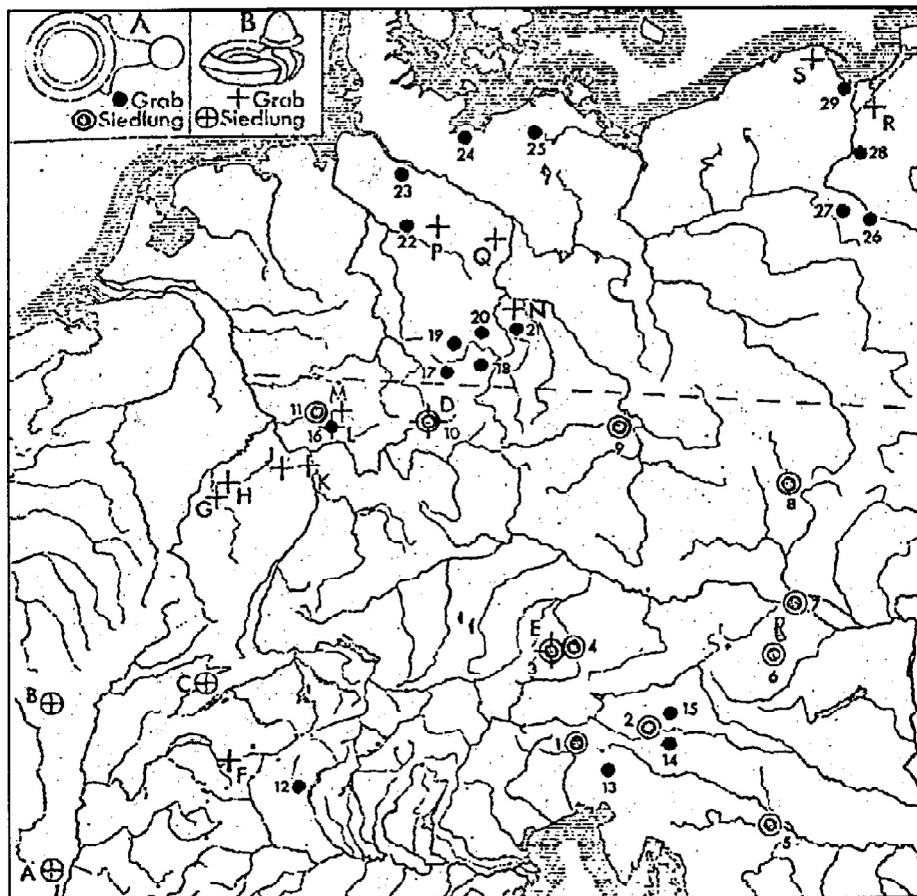
На наш взгляд, некоторые полученные нами выводы можно было бы объяснить, обратясь к истории восточногерманского племени бургундов.

Существует много различных точек зрения в отношении этого племени (Bohnsak 1940: 1033-1148; Domanski 1979; Leube 1983: 361-378; Martin 1988: 224-271). Попытаемся обобщить эти сведения и гипотезы. Мы не будем касаться дописанной истории, связанной с множеством теорий о миграциях бургундов из различных центров (Martin 1988: 236). Этот вопрос, вероятно, и сегодня не может быть решен однозначно. Обратимся к письменным источникам. Плиний около 70 г.н.э. упоминает бургундов среди племен народа Вандалов наряду с гутонами, варинами и харинами (Табл. 30). Ряд исследователей помещают их в этот период в Висло-Одерское междуречье (Leube 1983: 364) (табл. 61). Птолемей в сер. II в.н.э. упоминает «Burgudiones» в качестве восточных соседей семнонов, и границей между ними служат либо Одер, либо Шпрее. Ряд польских исследователей полагает, что это перемещение можно связать в археологическом материале с движением пшеворской культуры (Leube 1983: 366). В это время мы знаем о появлении культуры трупопожжений в ямах на территории Лужицы, Саксонии и Западной Силезии. К.Годловский выделил эти памятники в Лебус-Любушскую группу ПШК (Godłowski 1970: 28-31). Г.Доманский выделил их в отдельную Любошицкую культуру (Domanski 1979: 210). Как мы знаем, период B2/C1 — время сильной нестабильности как вельбаркской, так и пшеворской культур. В этот пе-

риод происходит экспансия вельбаркской культуры на юг, восток и частично на запад. Под их влиянием сдвинулись и пшеворские племена, и в это время очень трудно бывает отличить на археологических памятниках вельбаркские элементы от пшеворских. На 2 фазе любошицкой культуры (180-230 гг.) заметны сильные импульсы с севера. Это эсвидные подвески, гребни типа A-2, фибулы A-211, характерная северная керамика (Domanski 1979: 212). Вероятно, объяснением этого может служить продвижение одной из групп ВК на запад к Одру. В итоге можно сказать, что на этом этапе имеются генетические связи как с ПШК, так и с ВК. К 179 г.н.э. (последнее упоминание племени семнонов у античных авторов) можно отнести миграцию на Рейн гермундуrow и семнонов, которые, по А.Лейбе, ушли под натиском бургундов. Очень скоро бургунды подчинили себе огромную территорию, причем их влияние распространилось вплоть до районов Тюрингии. Импульсы с запада и востока были взаимными, хотя, на наш взгляд, эльбское влияние сказывалось гораздо сильнее. Проникновение восточных элементов (форм погребений, украшений, типов оружия) до Эльбы и Мульде, очевидно, не связано со смешанной населением, а является показателем политической зависимости местного населения, входившего в племенной союз бургундов (Leube 1983: 364). Эти бургунды составили основное ядро народа, в отличие от части бургундов, оставшихся на прежней территории (восточных бургундов), которые были разбиты гепидами во главе с Фаститой около сер. III в.н.э. и частично ушли с ними на юг к Черному морю (Martin 1988:

A

B

Табл. 27. А — зона развития фибул Бельци J; В — распространение поясных крючков типа А в Южной Тюрингии (Werner 1979).

236). По поводу этого свидетельства существует ряд интересных моментов.

Иордан говорит о столкновении «гепидов» во главе с Фастидой с «бургундионами» на пути к римским границам. Последующий текст о столкновении «гепидов» с готами во главе с Остроготой не поддается однозначному толкованию. Так как после описываемых событий, по тексту, во главе готов стал Книва, то Е.Ч.Скржинская определяет дату правления Книвы с 251 г. (Скржинская 1960: прим. 319) и, соответственно, столкновение гепидов с бургундами было раньше. За эту раннюю дату могут говорить и события 269 г., когда Клавдий Второй разбил гепидов, готов, герулов и певкинов, что было первым свидетельством появления гепидов у римских границ. Но в другом месте комментария к Иордану Е.Ч.Скржинская приводит точку зрения Л.Шмидта, который считает, что имя «Острогота» — собирательное, и столкновение готов с гепидами произошло в 290 году, на основании панегирика Мамертина, где говорится, что «тервинги» и «тайфалы» устремляются против «вандалов» и «гепидов». Эту дату подтверждает и фрагмент из истории Августов (SHA, Probus, 11, 18, 2), где говорится о переселении части гепидов с «вандалами и гревтунгами» на территорию империи во время правления императора Проба (276-282 г.н.э.). Эта этнокультурная «расстановка сил» хронологически более близка к описываемым в панегирике событиям, поэтому мы, вслед за рядом авторов, склонны принять вторую точку зрения о поздней дате столкновения гепидов с бургундами и готами.

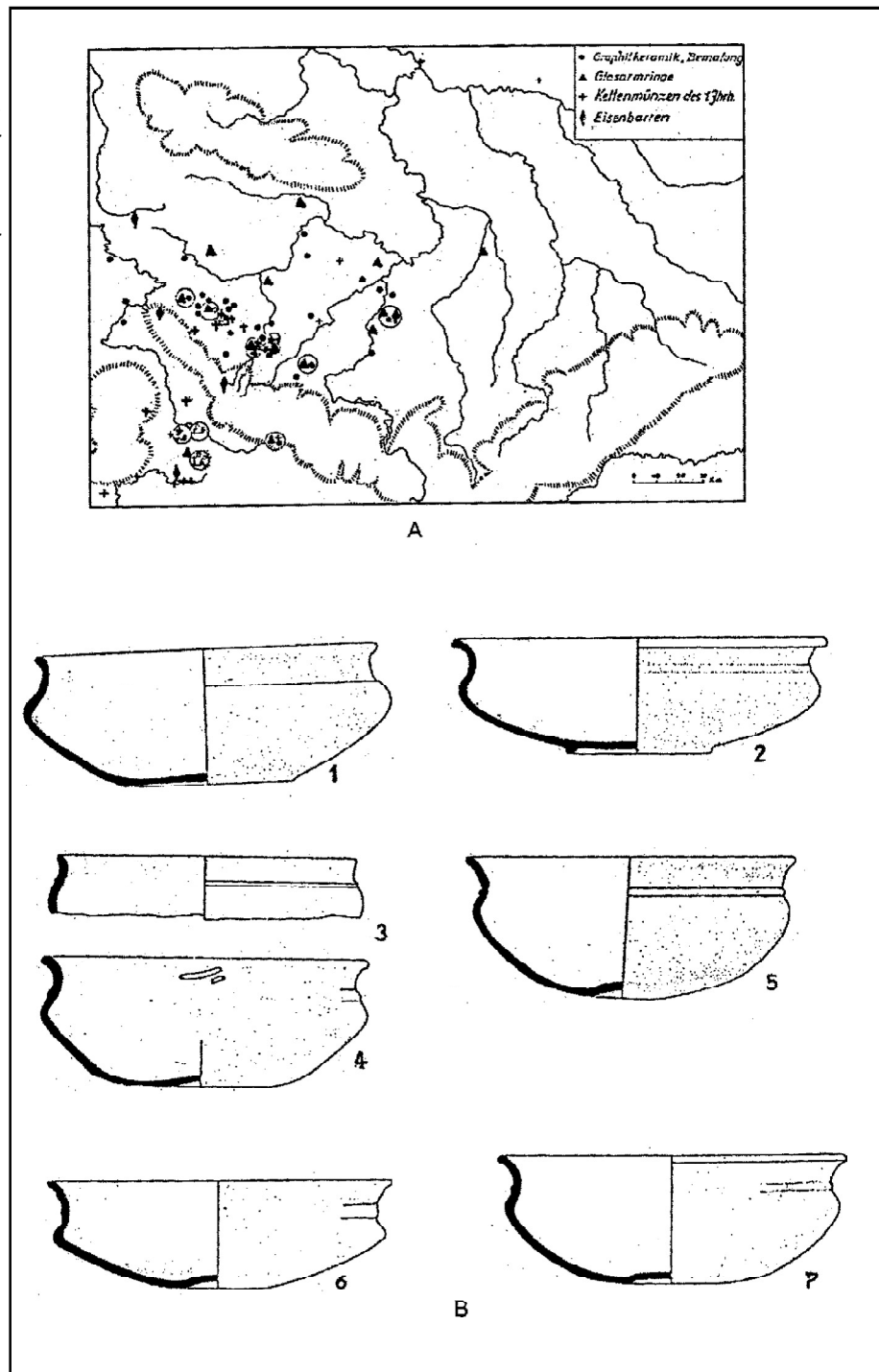
Коснемся других упоминаний о бургундах в письменных источниках. У Зосимы бургунды упоминаются вместе с готами и аланами в грабительских походах против Римской Империи при Валериане и Галлиене. Эта волна, исходя из археологических данных, должна иметь восточногерманский характер, т.е. либо пшеворский, либо вельбаркский. Как мы знаем, готские войны, в которых принимали участие разные племена, окончились в 269-271 г.н.э. битвой при Наиссе и оставлением Дакии римлянами. Поток воинов и переселенцев отхлынул от границ великой Римской Империи на север. Исходя из наших поисков, мы можем предполагать участие в этих походах как западных, так и восточных бургундов, причем с интересующей нас керамикой связаны западные, а архаику и северную вуаль принесли восточногерманские племена, в их числе были, вероятно, и восточные бургунды. Так как на первом этапе готских походов основную роль играли карпы и готы (Ременников 1960: 81-88), то вполне можно допустить, что гончарный круг и типы мисок, находимые в ранних погребениях ЧК вместе с керамикой выделенных серий, появились в результате походов из этого региона и связаны, вероятно, с карпами. (Табл. 12, 14)

Как ни странно совпадение, но через не-

сколько лет после конца готских войн бургунды упоминаются Зосимой на западе Римской Империи вместе с вандалами в Рэции. В 278 г.н.э. они были разбиты Пробом и посланы в легионы Британии для пополнения войск. Но уже в 286 г. в панегирике Мамертина упоминается вторжение бургундов, алеманнов, хайбонов и герулов в Галлию, и с этого времени бургунды поселяются на Майне и Неккаре (Martin 1988: 236), в то время как большая часть населения, по преемственности находок, остается до позднего IV в. в восточноэльбской Средней и Северной Германии (Leube 1983: 362-364). На Майне они становятся соседями алеманнов, племенем, включившим в себя, по мнению ряда авторов, семнонов и гермундунов, злейших врагов бургундов еще по Средней Германии. Здесь необходимо, прежде чем идти дальше, коснуться более ранних событий, связанных с империей Галльских узурпаторов.

В последние годы все больше получает признание гипотеза Й. Вернера (Werner 1973: 1-30; Werner 1989: 121-134) о том, что горизонт Лейна-Хаслебен в Средней Германии был образован воинами XXX легиона, служившими Галльским узурпаторам, которые после пленения Тетрика были распущены Аврелианом. Это подтверждается золотыми ауреусами Постума, Викторина и Тетрика, фибулами для офицеров плащей и целым рядом других элементов погребального инвентаря, которые дают дату захоронения не позднее 80-х гг. III в. н. э. (Werner 1989: 131-132). Для нас существенно прежде всего родство керамики района Майна-Неккара с керамикой ГЛХ, и украшений, о которых уже говорилось выше. Следует лишь заметить, что это сходство начинается лишь с последней трети III в.н.э. Район Эльбы и Заале-Унштрут со времени Каракаллы служил местом набора вспомогательных войск, в том числе и для Галльских узурпаторов. В то время, когда на Майне и Неккаре фиксируются исторические бургунды, мы видим погребальные памятники, однородные по инвентарю и керамике между Майнфранком и Тюрингией, где находятся памятники ГЛХ. Снова возрождается древняя Майнфранко-тюрингская группа. Таким образом, мы можем говорить о бургундах, или скорее о племенах, входящих в их сферу влияния, как об одной из вероятных германских дружин, служивших Галльским императорам. Этот выбор мог быть обусловлен и тем, что Постум начал свою политику с походов против аламаннов, которые, как уже говорилось, были врагами бургундов. Его положение могло измениться после того, как наступило спокойствие на лимесе и аламанны уже не предпринимали решительных действий. Постум решил усилить легионы для борьбы с Галлиеном и призвать аламаннов и франков на службу, что вряд ли могло понравиться бургундам. После того, как он запретил грабить Майнц, его убили, и XXX легион провозгласил импера-

Табл. 28. А — позднекельтский импорт в Средней Германии (Werner 1979); В — Кельтская керамика (Penninger 1972).

пором Лоллиена. Этот экскурс позволяет понять структуру взаимоотношений бургундов с аламаннами и в более позднее время, хотя в 286 г. они единственный раз вместе с герулами и хайбонами напали на Галлию, где были разбиты Максимианом. В панегирике Клавдия Маммертина этому императору говорится об этой победе, но также в другом панегирике дважды упоминаются готы, тервинги, тайфалы, гепиды и вандалы в контексте с аламаннами и бургундами (Martin 1988: 237). М.Мартин считает, что в первом из приведенных им отрывков XI пане-

гирика «готы (гревтуинги?) бургундов уничтожают, а вместо них вооружаются аламанны, равно как и тервинги, другая часть готов», речь идет об аланах вместо аламаннов и событиях на Черном море с восточными бургундами. Во втором отрывке («бургунды овладели полями аламаннов») говорится, по его мнению, о «переселении уничтожаемых готами бургундов» на земли аламаннов «Декуматских полей» также в это время или же, как мы думаем, о походах на Рейн 278 или 286 годов.

Получается, что бургунды приблизительно

в одно и то же время находятся в районе Северного Причерноморья — Подунавья и в районе Рейна. Уже давно замечено, что название этого племени на востоке и западе отличается. У Зосимы они упоминаются как «уругунды», живущие по Истру и совершающие походы в Иллирию и Италию. Он их различает с «бургундами», которых разбил Проб на р.Лех. Агафий называет «вуругундов», «буругундов» как принадлежащих к гуннскому племени, живших издревле у Меотиды. Он отличает их от бургундионов готского племени, когда говорит о событиях в Бургундии. Павел Диакон, также говоря о продвижении лангобардов, называет «Vurgundiab», место, которое большинство авторов помещает близ Меотиды. Эти факты дали возможность Ф.Брауну и Е.Ч.Скржинской говорить о племени негерманского происхождения, жившем на берегах Меотиды и Северного Причерноморья (Скржинская 1960: 255, 256). В панегирике также идет противопоставление понятий «Burgundos» и «Burgundionos». В первом случае говорится о дунайско-причерноморских событиях, во втором — о столкновении с

алеманами на Рейне. Таким образом, мы видим, что если употребляется этноним «уругунды», «буругунды», то речь идет, вероятно, о Дунае и Северном Причерноморье, а если употребляется этноним «бургионы», «бургундионы», «бургундии», то тогда говорится о племени «бургундов», живших на Одере и Нейсе, либо части народа, продвинувшегося на Майн и Рейн. Эта традиция осталась позднее у Аммиана Марцелина, у Орозия и Григория Турского. На наш взгляд, во всех случаях можно говорить о германском племени бургундов, которое делилось на восточных и западных, что принято рядом немецких археологов (Martin 1988: 237,238).

Таким образом, мы получаем вторую главную ось миграции — запад-восток, которая связывает в единую систему политические события на западных и восточных окраинах Римской Империи. Существовало, на наш взгляд, в III в.н.э. несколько транзитных пунктов на этом пути.

1. В районе ЧК — германские племена Готской державы, среди которых могли находиться бургунды.

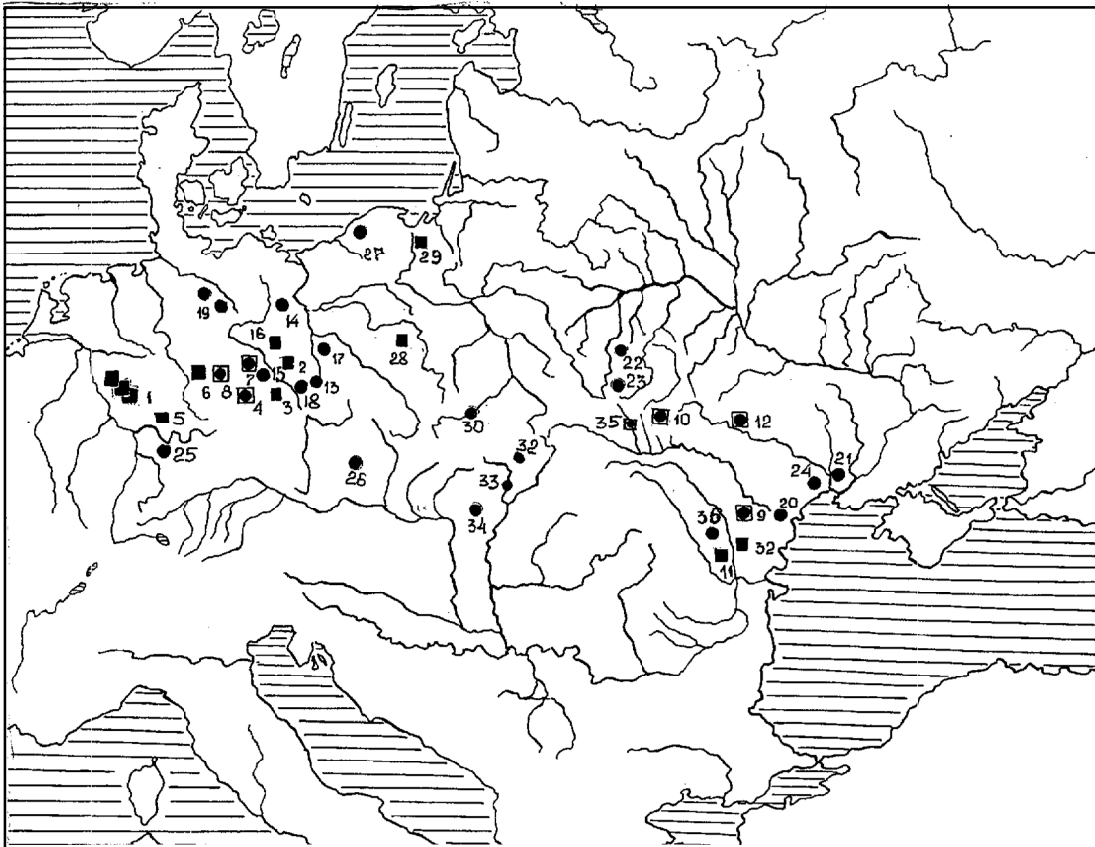

Табл. 29. Распространение ведущих типов керамики первой (квадрат) и второй (круг) серий.

- 1 серия:** 1 — Рейнсдорф; 2 — Штретен; 3 — Швохау; 4 — Цаушвитц; 5 — Цугмантель; 6 — Кернер; 7 — Лейна; 8 — Хасслебен; 9 — Данчены; 10 — Ружичанка; 11 — Тодирени; 12 — Косаново; 28 — Спицымеж; 29 — Вилленберг-Вельбарк; 35 — Чернелив-Русский; 37 — Ханска-Путерия;
- 2 серия:** 4 — Цаушвитц; 7 — Лейна; 8 — Хасслебен; 9 — Данчены; 10 — Ружичанка; 12 — Косаново; 13 — Литтен; 14 — Лебус; 15 — Кранихау; 16 — Цветау; 17 — Любошице; 18 — Лебон; 19 — Ребенсдорф; 20 — Тира и Молога; 21 — Ольвия и Козырьское городище; 22 — Деревянное; 23 — Рудка; 24 — Каборга; 25 — Герласхайм; 26 — Великие Гостерадки; 27 — Залецино; 30 — Иголомия-Тропишово; 31 — Педер; 32 — Себастовичи-Барка; 33 — Сена; 35 — Чернелив Русский; 36 — Козия;

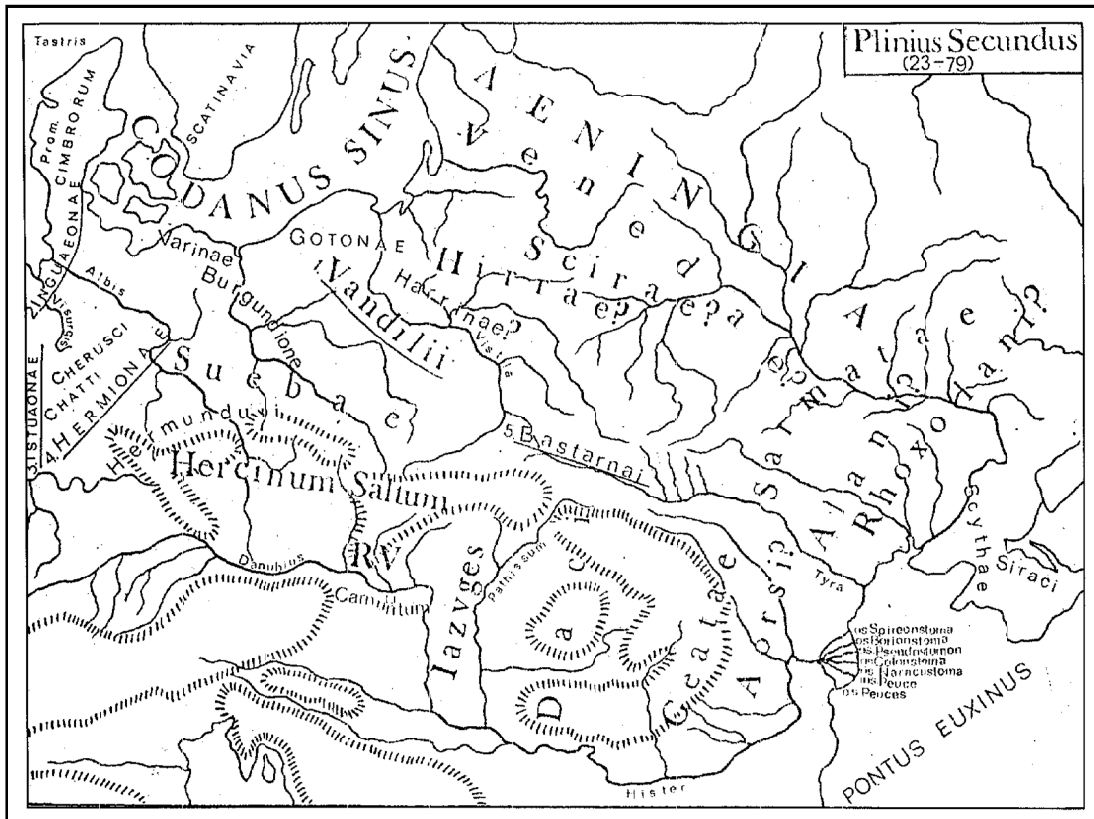

Табл. 30. Этнокарта по Плинию Младшему. (Шукин 1993).

2. В районе Одера-Вислы — восточные бургунды в числе готов и других племен.
3. Район Эльбы-Одера — западные бургунды.
4. Район Рейна-Майна — куда в конце IV в. переместилась основная часть бургундов и было образовано Бургундское королевство.

Исходя из этой схемы, можно объяснить и появление гончарной керамики с линзовидными срезами по краю одновременно в Ганновере и черняховской культуре и, наоборот, целого ряда импортов с Рейна и Верхнего Дуная на самых восточных окраинах Свободной Германии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура, Киев.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1989. Хронология могильника Брест-Тришин и эволюция погребального обряда. // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры. // *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*, СПб.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1997. Хронология Восточной Европы эпохи готских походов. М.
- Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Вакуленко Л.В. 1977. Памятки пидгір'я Українських Карпат первой половины I тысячелетия н.е. Киев.
- Ветштейн Р.И. 1953. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Автореферат канд. дисс. Киев.
- Ветштейн Р.И. 1955. Серая лощеная керамика ольвии первых веков нашей эры. Киев. (Рукопись, научный архив ИА АН УССР).
- Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник. // *Могильники черняховской культуры*. М.
- Герета М.Р. 1989. Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбаркская культура // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*, t.II. Lublin. S.283-297.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Киев. Т.4.
- Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тире II-IV в.н.э. // *Античная Тира и средневековый Белгород*. Киев.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тире, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев.
- Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М.Кравченко 1961-1964 гг.) // *История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры*. МИА № 139.
- Козак Д.Н. 1986. Культурный процесс на западной Волыни в первой половине I тыс. // *Zachodnia strefa osadnictwa kultury czernjachowskiej*. Lublin.
- Кухаренко Ю.В. 1958. Волынская группа полей погребений. // *СА*. N 4.
- Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.

- Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Мелентьева Г.М. 1969. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры. // КСИА, № 116.
- Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв.н.э. Кишинев.
- Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. Москва.
- Скржинская Е.Ч. 1960. Иордан. О происхождении и деяниях готов. Москва.
- Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа. // КСИА № 121, Москва.
- Смишко М.Ю., Свешиников Т.К. 1961. Могильник III-IV ст.н.э. у с. Дитиничі. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, Київ, вип.3.
- Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры. // СА, N 4.
- Тиханова М.А. 1970. Еще раз к происхождению черняховской культуры // КСИА. № 121.
- Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов научной конференции 19-21 ноября 1973 года. Ленинград.
- Фурманская А.И. 1962. Разкопки Тирі. // АП, XI. Киев.
- Хвойка В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Поднепровье (Раскопки В.В.Хвойки в 1899-1900 гг.) // ЗРАО, том № XII.
- Цигилик В.М. 1975. Населения Верхнего Поднестровья перших століть нашої ери. Киев.
- Шаров О.В. 1988. К вопросу о происхождении керамики раннего горизонта черняховской культуры. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
- Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Киев.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций) // АСГЭ. Вып.20.
- Щукин М. Б., Щербакова Т. А. 1986. К хронологии могильника Данчены.// Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н. э. Кишинев.
- Almgren O. 1923. Studien über nordeneropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen, Leipzig.
- Bernhard H. 1985. Studien zur spätrömischen terra nigra zwischen Rhein, Mein und Neckar. // Saalburg Jahrbuch, 40/41.
- Bichir Gh. 1973. Cultura carpica. București.
- Bohnsak D. 1940. Die Burgunden. In: Vorgeschichte der deutschen Stamme, Bd. 3, Leipzig-Berlin.
- Böhme A. 1972. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel In: Saalburg-Jahrbuch, а 29.
- Dannheimer H. 1962. Die germanische Funde der Späten Kaiserzeit und des frühen Mittelalters in Mittelfranken. In: Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit, Ser. 17. 7,
- Diakonou Gh. 1970. Über der scheibengedrehte Keramik in der Sintana de Mures—Tschernjachow Kultur, Dacia, XIV.
- Dragendorff H. 1895-1896. Terra sigillata. // Bonner Jahrbuch, T. 96/97.
- Dobrzanska H. 1990. Osada z poźnego okresu rzymskiego w Igolomi, woy. Krakowskie. Czesc I, II.
- Domanski Gh. 1979. Kultura Luboszycka między Labą a Odrą w II-IV wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Eggers H.J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
- Eggers H.J. 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. Jg.2.
- Gajewski L. 1950. Badania nad organizacją produkcji z okresu Rzymskiego w Igolomii. AP.
- Genrich A. 1954. Formenkreise und Stammesgruppen in Schleswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhundert. Münster.
- Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
- Godłowski K. 1974. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // RB. T.12.
- Godłowski K. 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku. In: Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. T. IV. Warszawa.
- Godłowski K. 1981. Kultura przeworska. In: Praehistoria ziem polskich (PZP). T.V.
- Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica. 1988.
- Godłowski K. 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. In: Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
- Die Germanen. 1983. Ein Handbuch. Bd.2. Berlin.
- Gose S. 1950. Gefasstypen der römische Keramik in Rheinland. Bonner Jahrbuch, 56.
- Henning J. 1978. Zur Frage der technologischen Traditionen der spätkaiserzeitlichen Topferwerkstätten im Karpatenraum. // EAZ, Hf. 3. Berlin.
- Ionița I. Din istoria și civilizația Dacilor Liberi. Iași 1982.
- Kaczanowski P, Madyda-Legutko R, Nawrońska E. 1980. Birytualne cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Zalecino, woj. Szczecin (Badania 1976 1978 1979). // Materiały zachodnopomorskie, T.XXVI, Szczecin.
- Keller E. 1974. Zur Chronologie der jungerkaiserzeitlichen Grabfunde in Südbauern. // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 1, Hf.1.
- Kietlińska A., Dąbrowska T. 1963. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek. // Materiały starożytne, T. 9.
- Koch R. 1981. Terra nigra Keramik und angeblechte Nigraware aus Heckargebiet. // Fundbericht aus Baden-Württemberg. Bd.6.
- Kolnik T. K tipologii a chronologii niektorych spon z mladšej doby rimskej na juhozapadnom Slovensku. In: Slovenska archeologia, T. XIII-1, Bratislava.
- Kokowski A. 1995. Schätze der Ostgoten. Stuttgart.
- Kuchenbuch F. 1938. Die altmarkische-osthannoverische Schaleurnenfelder der spätrömischen Zeit. // Jahresschrift für die Vorgeschichte. Bd. XXVII. Halle.
- Lamiova-Schmiedlova M. 1969. Romerzeitliche Siedlungs-Keramik in der Südostslowakei. In: Slovenska archeologia, T. XVII.
- Laser P. 1965. Die Brandgräber in Mitteldeutschland. In: Forschungen zur Vor und Frühgeschichte. Bd. 7. Berlin.

- Leube A. 1975. Die römische Kaiserzeit in Oder-Spree-Gebiet. // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam/
- Leube A. 1976. Archäologische Formengruppen an nordlichen Elbe-Oder-Gebiet während des 1. Bis 4. Jahrhunderts. In: Prace archeologiczne, 22. Kraków.
- Leube A. 1983. Die Burgunden bis zum Untergang ihres Reiches an der oberen Rhone im Jahre 534. In : Die Germanen, Bd. 2, Berlin.
- Lund-Hansen U. 1987. Römische Import im Norden. In: Nordische Fortminder. Serie B. Bd. 10. København.
- Madyda R. 1977. Sprzeczki i okucia pasa na ziemach polskich w okresie rzymskim. In: Materiały starożytne i średniowieczne. T.IV. Warszawa.
- Madyda-Legytko R. 1986. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. In: BAR Int. Ser. 360.
- Martin M. 1988. Burgunden. In: Reallexicon der germanischen Altertumskunde. Bd.4, Lief. 3-4.
- Meyer E. 1969. Das germanische Gräberfeld von Zauschwitz, kr. Borna. Berlin. In: Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege.
- Meyer E. 1971. Die germanische Bodenfunde der spätromischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungs-Zeit in Sachsen. Bd. 1. Berlin.
- Motykova-Schneidrova K. 1963. Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Pragae.
- Motykova-Schneidrova K. 1967. Weiterentwicklung und Ausklang der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen. Pragae.
- Oldenstein J. 1986. Neue Forschungen in spätromischen Kastell von Alzey. In: Bericht der Römisch-Germanische Kommission. Bd. 67.
- Overbeck B. 1983. Das Alpensrheintal im römischer Zeit. München.
- Penninger E. 1972. Der Dürnberg bei Hallein. München.
- Peschek Chr. 1978. Die germanische Bodenfunde der römischen Kaiserzeit in Mainfranken. München.
- Peschel K. 1978. Anfänge germanischer Besiedlung in Mittelgebirgsraum (Sueben-Hermunduren-Markomannen). // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Beiheft 12. Berlin.
- Peskar J, Ludikovski R. 1978. Zarove pohrebiste y doby rimske vo Velkych Hosteradkach (O. Breclav). // Studie Archeologickego ustava Ceckoslovenske Akademie ved v Brne. Rocnik VI-1. Praha.
- Popilian G. 1976. Un Quartier Artisan a Romula. // Dacia, XX.
- Popilian G. 1980. Necropola Daco-Romana de la Locusteni. Craiova.
- Popilian G. 1982. Necropola Daco-Romana de la Daneti. // Thrako-Dacia, T. III.
- Reyman T. 1936. Problem ceramiki siwej na kole taczoney na tle odkryc w górnym dorzeczu Wisły. In: Wiadomości archeologiczne, 14.
- Roeren R. 1960. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jh. nach Chr. In: Jahrbuch der RGZM, Mainz.
- Sarov O. 1995. Danceny und Leuna-Hassleben // La noblesse Romacne et Les Chiefs Barbares du III-E au VII-E siecle. Paris.
- Schach-Dorges H. 1970. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhundert nach Chr. Zwischen unteren Elbe und Oder. // Offa-Bücher. Bd.23.
- Schindler R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. Leipzig.
- Schmidt-Thielbeer E. 1968. Die südlichen Elbgermanen. // Die Germanen, Bd. 1.
- SHA — Scriptorum Historiae Augustae. Властелины Рима. М. 1992.
- Schulz W. 1933. Das Fürstengrab und das Grabfeld von Hassleben. // Römisch-germanischen Forschungen.
- Schulz W. 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungssplatz der spätromischen Kaiserzeit. Berlin.
- Sharov O. 1999. Die Frühphase der Cernjacob-Kultur. Brest-Trischin und Maslomecz-Kultur. // Die Spätkaizerzeit in Mittel- und Osteuropa, Łódź.
- Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk.
- Takenberg K. 1925. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin.
- Tejral J. 1983. Mähren und die Markomannenkriege. // Slovenska archeologia, XXXI-1. Bratislava.
- Uslar R. 1938. Westgermanische Bodenfunde des I. bis III. Jhs. nach Chr. aus Mittel- und Westdeutschland. Berlin.
- Unverzagt W. 1916. Die Keramik des Kastells Alzei. // Materialien zur Römisch-Germanischen Keramik, 2,
- Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der ingentia auxilia Germanorum des gallischen Sonderreiche in den Jahren 259-274 n- Chr. // Mitteldeutsche Forschungen, 74-1.
- Werner J. 1979. Bemerkungen zu norischen Trachtzubehör und zu Fernhandelsbeziehungen der Spätlatenezeit in Salzburger Land. In: Späten Keltentum zwischen Rom und Germanien München.
- Werner J. 1988. Danceny und Brangstrup. Untersuchungen zur Cernjachow-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen In: Bonner Jahrbücher. Bd.188.
- Werner J. 1989. Zu den römischen Mantelfibern zweier Kriegergräber von Leuna. In: Jahresschrift von mitteldeutschen Vorgeschichte. Hf. 72.
- Wołagiewicz R. 1970. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju. In: Archeologia Polski, 15, Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultura oksywska i wielbarska. // Prahistoria ziem Polskich, t.V.
- Wołagiewicz R. 1981a. Kultura wielbarska-problemy interpretacji etnicznej. // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk.
- Wołagiewicz R. 1993. Ceramica kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin.